

Сергей  
Котов



## РОДНЯ И ЗЕМЛЯКИ

### БУХТАРМА

Затопление верхнего Прииртышья Бухтарминским водохранилищем началось в 1959 и закончилось в 1960 году.

Тема появления на месте жилых сел искусственного водохранилища великолепно раскрыта в литературе современным русским писателем Валентином Григорьевичем Распутиным. Разница лишь в том, что события его повести происходят на Ангаре.

Это была трагедия для всего населения, которое вынуждено было покинуть нажитые места. Моя тетушка Надежда Григорьевна рассказывает, что временами ей снится сон: Чистый Яр, стоящий на берегу Иртыша. Снятся песчаные улицы с бревенчатыми домами. Она помнит до сих пор, где до затопления жили ее односельчане, каждый дом.

Бабушка Сердюкова, что жила на окраине села, решительно не собиралась покидать свою избу. Ее предупреждали, что скоро затопят все село, а она в ответ: «Всю жизнь здесь прожила, никого не топило. Никуда не поеду!» А когда пошла вода, заполняя собой все вокруг, быстро собралась бабушка. Жутко шумела вода, наступая со стороны Зайсана. Гул стоял непередаваемый. Вода поднималась на 40-50 сантиметров в сутки.

Незадолго до переселения был брошен жребий, по которому распределялись земельные участки в новой деревне. Дома стали перевозить заблаговременно. Там, где сейчас стоит село, раньше находились бахчи. Место было выбрано удачно. С восточной стороны крайняя – Береговая улица, шла по высокому берегу над образовавшимся затоном. С западной стороны – улица Больничная – находилась на пологом месте. За все существование села вода лишь однажды подошла с этой стороны, затопив огороды, и метров сто не дошла до больницы.

В 1960 году ушли под воду покосы и огороды. Много всякого добра осталось на дне появившегося моря. Могилы было приказано разровнять тракторами и забетонировать. Но сделано этого почему-то не было. Говорят, что это благодаря представителям райисполкома Кружжину Павлу Николаевичу и Дымченко Ива-

*Продолжение. Начало в №2, 3, 2016.*



ну Спиридоновичу. Кладбище было затоплено было прямо так. Канули в воду родные могилы. Исчезли. Остались от них только бумажки, отчеты. Да память народная. Среди сотен захоронений покоятся на дне Бухтарминского водохранилища и могилы моих предков – Комова Михаила и Комовой Катерины. Идут к старому руслу Иртыша косяки пеляди и рипуса, заплывают глубокоководные судаки... Задевают хвостами остатки залитых водой кладбищенских холмов... И мне никогда уже не положить цветов к родным могилам.

Ушли под воду и три могучих тополя, что росли на склоне Сухой речки, ближе к Сарабели. Шумели, не сдавались. Много они повидали на своем веку. Видели, как уходили казаки на первую мировую. Знали в лицо казачьего атамана Ельцова, атамана Щербакова и командира красных горных орлов Никиту Тимофеева. Видели они братоубийственную войну. Знали не понаслышке о коллективизации. Шумя пышными кронами, могучие тополя провожали солдат на Великую Отечественную и встречали победителей с войны. Не дано было им пережить затопление, как и селам, стертых с лица земли, но оставшимся в памяти моих земляков и напоминающих о себе в коротких радужных снах.

Из Чистого Яра перенесли Комовы свою небольшую избу на Береговую улицу, собрав ее заново, по бревнышку, на новом месте. Сотня метров до высокого берега, с которого видна даль далекая. И до самых краев раскинулось водохранилище. Бухтарма! После Иртыша – это настоящее море. Так и прижилось у нас это слово. Местные всегда называют эту просторную гладь морем и никогда речкой, дабы не унижать его величия. У иного приезжего горожанина, отдыхающего на побережье, вылетит слово «речка». Засмеются над этим словом мои земляки, как над хорошей шуткой. Покажут на противоположное ущелье Бердыбай, добавят для статистики – семь километров ширина, до Свинчатки – двенадцать, до Приморска – двадцать пять верст водной глади, а к Большенарыму можно без стеснения еще с десятков километров прибавить к тем двадцати пяти. В длину наше море растянулось на несколько сот километров. Уникальное водохранилище! Одно из самых больших в мире.

В первое время по Бухтарминскому водохранилищу таскало волной могильные кресты, камышовые острова, кочки, деревья, бревна. Тетя Надя рассказала историю о нашей корове, которая тоже родилась в Чистом Яре. Вечером, придя из стада, она, все время проходила мимо дома, стоявшего теперь на новом месте, и шла старой дорогой к затопленному селу. Тетушка вспоминает: «Дорога-то старая в воду уходит... Зайдет она по колено в воду и мычит в сторону Чистого Яра, понять ничего не может – куда ее село подевали. Мы-то люди... А ей, неразумной скотинке, каково! Так было, пока она телка не принесла, все на наш берег ходила, плакала, переживала...»

Большинство жителей села Ново-Тимофеевки составили переселенцы из Чистого Яра, Сарабели и Батов. К ним добавились жители окрестных аулов Канай, Кулажурги, Акчуки. Кто-то уехал в город Усть-Каменогорск и другие города. Иные так и не смогли прижиться на новом месте, так и оставшись до конца жизни чужими в городской среде. Я был свидетелем одной такой трагедии. Потомки известного в нашем Прииртышье казачьего рода Ковригиных, выходцы из Батов, после смерти отца спились все до одного, шестеро детей, прервав, таким образом, славную историю своей фамилии. Трагедия Ковригиных стоит того, чтобы рассказать о ней отдельно.

Мои родители поженились в январе 1961 года в Ново-Тимофеевке, куда моя мама попала по распределению после окончания медицинского училища.

Вскоре после свадьбы мой отец отделился от родительской семьи, и стали они с мамой жить в центре села при радиоузле, куда отец устроился работать. Тогда в селе еще не было постоянного электрического света. А 12 апреля 1961 года мой отец первым из новотимофеевцев узнал новость о полете Гагарина в космос. Он услышал ее по батарейному приемнику «Родина-52». Отец хорошо помнит тот день. Стояла жара под 30 градусов. Услышав радостную весть, отец сел на велосипед и помчался в радиоузел, завел электростанцию, работающую на бензине, и сообщил всему селу, что впервые в мире в космос полетел советский космонавт Юрий Гагарин, и закончил словами: «Слушайте радио. Следите за новостями!» Радовалось все село, не было равнодушных людей, все гордились своей страной, все были счастливы!

18 октября 1961 года в этом доме родился мой старший брат. Сначала его хотели назвать Юрой, как и многие в то время – в честь Гагарина, но решили, что Юр будет и так немало, и назвали Володей. Мама моя с детства была надорвана тяжелой работой. Несколько дней длились у нее тяжелые роды. Володя родился маленьким, весом около двух килограммов. Отпуск по рождению ребенка тогда был совсем коротким – два месяца. Мама вскоре вышла на работу в больницу. Много пришлось моим родителям намаяться с маленьким ребенком, которого некуда было деть. Мама работала сутками в больнице. Отец тоже работал. Яслей в селе тогда не было. И вот как-то отцу срочно нужно было тянуть по столбам линию электропередач. Вовке – семь месяцев, деть его некуда. И тогда отец пошел в находящийся по соседству сельсовет, взяв с собой маленького сынишку. Там отец посадил моего брата прямо на стол председателя сельского совета: «Раз не можете создать условия для своих работников, значит, сами водитесь с детьми». И хлопнул дверью. Вовка тут же подпустил лужу прямо на стол председателю. Этот аргумент, вероятно, был очень весомым и повлиял на счастливое разрешение проблемы. Вскоре был открыт детсад, где и для маленького Вовки Комова нашлось место.

## ДОМ НА ОКРАИНЕ СЕЛА

От организации «Алтайэнерго» семья моих родителей получила квартиру. Точнее – дом. Он находился на самой окраине села, возле трансформаторной подстанции. Когда родился я, то мимо дома, метрах в двухстах, уже проходила новая автотрасса из села Самарского на Васильевскую переправу. От трассы в село дорога шла мимо нашего дома. Какой же был это уютный и теплый дом! Построенный из пескоблоков, чисто выбеленный известью, он был виден отовсюду. Дом был разделен на две равные половины и рассчитан на две семьи. Оба крыльца выходили на восток, прямо в рассветы. Вторую половину дома занимали наши соседи по фамилии Ногубот. От нашего одиноко стоявшего дома до деревни было еще с полкилометра. Именно поэтому соседи наши, разделившие с нами «островное» существование, были для нас, как родня. Иногда к нам просились на ночлег путники. А однажды зимой к нам примчался на загнанной лошаденке, на санях, человек, которого настигали волки. Завидев жилье, стая отстала.

Как сейчас, помню этот замечательный дом, все комнаты. Если подняться по небольшому крылечку, то попадешь на веранду. За плотной дверью – коридор, упирающийся в кухню. Слева по коридору расположены чулан и еще маленькая нежилая комнатка. Напротив чулана – спальня, выходящая окном во двор. Справа от кухни – просторный зал, окно которого выходит на дорогу. Окна в доме большие, оттого в доме всегда светло.

Именно здесь я родился. Заснеженной ноябрьской ночью 7 ноября 1967 года мое рождение выпало на большой праздник – отмечали пятидесятилетие революции. Был полный дом народа. Родня, друзья, соседи. Баян. Песни. Пляска. Радость в доме. Наш «островок» сверкает в ночи всеми окнами, плывет в мельтешащем снегу, поднимаясь в небеса. Счастье. Родители рассказывали, что, может быть в шутку, а может всерьез, возникла идея в духе того времени – назвать меня Юбилеем. Слава Богу, здравый смысл взял верх, и назвали меня Сергеем в честь моего прадеда, сибирского казака Сергея Полетаева. На том гулянии по случаю дня моего рождения так расплясались земляки тимофеевцы, что у одного из них даже поотлетали каблуки с надежной советской обуви. Митрофанов Федор Васильевич пришел наутро искать свои каблуки, потерю которых он в азарте даже не заметил. Федор Васильевич жил на противоположном конце деревни, в большом доме, который назывался Штурмпостом. Нашим домом начиналась деревня, а заканчивалась в самом конце улицы домом Митрофановых, что подходил вплотную к морю. Часто это расстояние в 2-3 километра от дома к дому, после веселых гуляний проходили с песнями до утренней зорьки по несколько раз, не в силах расстаться, и, провожая друг друга то туда, то обратно. Отец мой не раз вспоминал тот памятный день, когда Федор Васильевич в последний раз так плясал, отмечая мое появление на свет. Он умер в возрасте пятидесяти шести лет. Мне на день его смерти не исполнилось еще и четырех. Был солнечный теплый день, хорошо мне запомнившийся. Процессия, идущая на кладбище, шла через все село, а затем сворачивала на проселочную дорогу, проходящую недалеко от нашего дома. Я еще не мог понять, что значит «умер человек». Как-то не вязалось это в моей голове с радостной человеческой жизнью. Люди в толпе плакали, значит, случилось что-то страшное, плохое. Мама дала мне в руки носовой платок, чтобы я плакал в него. Плакать я умел, но еще не умел переживать, сострадать, и потому мой платочек так и остался сухим. Это была первая смерть, которую мне пришлось увидеть.

Самые первые мои воспоминания относятся годам к двум или трем. Мы всей семьей ночевали в родительской спальне, может, оттого, что ее в зимние вечера легче было прогреть. На этот случай у отца всегда имелся в запасе какой-нибудь обогреватель. Я помню большущие и теплые руки отца, которыми он поднял меня среди ночи с кровати. Отец поднес меня к окну и, показывая в темноту, сказал: «Смотри, Сережка! Волки!» На улице, под крышей веранды, колеблется на ветру яркий фонарь. У сараев, в темноте, ярко поблескивают огоньки. Их много. Только и видно в темноте эти горящие зрачки, ни очертаний в темноте, ни силуэтов. Возле сараев рвется с цепи Барсик, наш большой длинношерстный пес-дворняга. Он, задира и забияка, по собственной глупости даже не понимает, что его может разорвать на клочки эта волчья стая. Притерся вплотную к отцу и Вовка, ему уже лет восемь. Он спрашивает у отца: «А эти огоньки и есть волки?» «Да», – утвердительно говорит отец. Мне совершенно не страшно, ведь я

еще не знаю, кто такие волки. Я еще совсем ничего не понимаю, я только-только выхвачен отцовыми руками из теплой ночной дремы. Живо стоит в моей памяти та картина из детства. Большие теплые руки отца. Темное окно с видом на заснеженную ограду. Колеблющийся на ветру фонарь. Горящие волчьи зрачки. Большущий пес Барсик. Старший брат Вовка.

Старший брат Вовка, единственный и неповторимый. У него на щеках и на носу веснами расцветают веснушки рясными полянками. Он старше меня на шесть лет – атаман и вождь нашего небольшого «островного» племени. Его ровесник Колька Ногубот, живущий по соседству – закадычный друг. Лариса Ногубот, старшая сестра Кольки, больше смыслит в играх и в стратегии войны с бледнолицыми. Она тоже вождь, хоть и девчонка. Я рад, если старшие возьмут меня с собой играть даже самым обычным индейцем. Бегаю за ними хвостом с утра до вечера. Какое это счастье быть индейцем, хоть и понарошку!

Вечерами я укладываюсь спать со своим игрушечным другом плюшевым мишкой, который умеет реветь. Общаюсь с ним, рассказываю ему сказки, делюсь с ним своими впечатлениями. Я знаю, что все мишки в своих берлогах зимой сосут лапу. А я сосу свой указательный палец. Что только мама со мной не делала, чтобы отучить от этой дурной привычки. И в угол ставила, и мазями медицинскими мазала с запахом, даже горчицей пробовала. Не успеет мать отвернуться, палец уже вытерт об штаны и во рту спрятан, что леденец. Он даже тоньше был, чем на левой руке. Любимый пальчик, холеный. Матушка и уговаривала меня, и стыдила, что я такой большой мальчик, которому скоро в школу идти, а все, как дитя с соской. А в школу я пошел уже «как взрослый», враз бросив эту привычку. Лишь когда брал в руку ручку, любимый палец сам по себе оттопыривался и отказывался принимать участие в написании букв. Вскоре прошло и это. Была и другая привычка. Укладываясь спать, я набивал свой нос ватой или пухом, надерганным тут же из одеяла. Это ощущение чего-то мягкого, благодного всегда вызывало дрему. Я даже требовал у родителей пух для сна, называя его «си», чем чрезвычайно смешил их. С этим «си» у меня однажды произошел казус. Это было как раз той зимой, когда отец у окна показывал нам с братом волчью стаю. Мой разум еще только начинал постигать этот огромный Божий мир. Отец повел меня на улицу. А там – хлопьями валит густоющий снег, белый-белый. И до того заворожило меня это кружение снега, что ощущение той легкости и красоты живо во мне до сих пор. Я еще не знал, что такое снег, но он сильно мне напомнил пух, и я в восторге крикнул: «Си!». В следующий момент я стал набивать нос снегом. И разочарование мое от этого снега было слишком большим, мне стало щипать нос холодом. Обняв руками электрический столб, стоящий во дворе, я долго проплакал в то ослепительное утро. Странно, но именно эти две привычки передались моим деткам. Дочка, прежде чем уснуть, щекотала себе нос распушенным краешком пеленки или «пёюшком» (перышком), а сын сосал указательный пальчик, бросив эту привычку уже после пяти лет.

Огромные березы растут у единственного окна, смотрящего в сторону деревни. В огороде еще растут вишня, слива, яблоньки. Отец всю свою жизнь выращивает плодовые деревья и виноград. В огороде, в сплошном песке, растут отличные помидоры и арбузы, стоят навозные грядки с огурцами и огромная бочка для полива. Напротив крыльца, в двадцати метрах, расположены сараи.

баня, гараж. Возле соседской половины стоит турник, на котором занимается младший брат матери дядя Петя, когда приходит из деревни. Он, несколько лет назад отслужив в армии, переехал к нам в деревню из Мариногорки. Волос у дядьки русый, густой, чуб волной зачесан набок, грудь – колесом. Здоровья в нем – через край. Крутится на турнике дядя Петя, аж дух заходится. Не только нам показывает умение, перед тетей Ниной красуется, невестой своей. Она в очках, белолицая. Интересна история ее жизни. Родилась она 20 февраля 1954 года. Ей было 8 месяцев, когда ее мать решила от нее отказаться. Вот как об этом рассказала моя мама, подробности – со слов приемной матери тети Нины: «Раньше гуртоправы гоняли скот из Монголии в Семипалатинск. Мать Нины была гуртоправщицей. А дело было в Батах. Узнала та женщина, что у Дедовых нет детей, и пришла к ним сама предлагать дочку: «Если не возьмете, я ее в Иртыш брошу». Шурочка (приемная мать) не хотела брать, а Дедов, Алексеем его звали, хороший был мужик, славный, умница, прижал ребенка к груди и забрал ее себе. Мать Нины даже платок сняла с дочки и голой совершенно отдала в новую семью. Девочка была худенькая. Сильно полюбил ее отец, с рук не спускал. На пятерки она училась в школе. Выучилась на медсестру, а потом мы вместе с ней в больнице работали. У Шурочки своих детей никогда не было. А с Алексеем своим она познакомилась в тюрьме, вместе сидели. В сталинскую пору можно было легко загреметь в тюрьму. Говорили, будто она трактор или комбайн свой поставила не на своё место, этого хватило... Дедову не было и шестидесяти лет, когда он отравился, кислоты выпил. Где-то в марте это было. Второго мужа, тоже Алексеем звали, по фамилии Шутов. Он тоже раньше времени ушел...»

В ту пору, когда мы жили еще на краю деревни, тетя Нина была невестой моего любимого дядьки по постоноговской ветке. Дядя Петя в ту пору – завидный жених, симпатичный, работающий, спортсмен. Дело шло к свадьбе. Даже мы, ребята, это замечали. Когда они садились на диван, кто-нибудь из ребятшек подсаживался рядом с дядей Петей. Тетя Нина сидела по другую сторону. Дядька оказывался в середине, как нам и надо было. Тут мы начинали галдеть: «Кто по серединке, тот женится на Нинке!» И разлетались, как задиристые воробьи. Дядька и впрямь скоро женился. На другой год после свадьбы у них родился Славка, единственный сын, ветка рода Постоноговых.

## МОЙ ДРУГ САШКА ПАНКЕЕВ. ГРИЦАЕНКО НАТАША

Панкеевы к казакам отношения не имели. Куда-то в центральную Россию тянулись их корни. Когда они оказались в Сарабели – неведомо. Жили они, как и все, небогато. Дед Егор, по рассказам односельчан, одно время ходил в своей любимой пестрой шубе, сшитой из собачьих шкур. Издалека видать его в этом одеянии на пашне, где он работал сторожем. Шкуры он выделывал сам. Для зимы – теплее не придумаешь, а летом – мягко спать на такой подстилке. Помню его с вечной своей деревянной тросточкой, идущего за продуктами в магазин. Выше среднего роста, худощавый, нерасторопный старичок. Стоило по неосторожности наступить ему на ногу или случайно его толкнуть, как дед Егор тут же пускал в ход трость, не бил ей, а тыкал тупым концом. Один раз в толпе у продуктового магазина дед Егор торкнул любимой тростью Ваську Сидельникова, главаря из нашего класса.

Сын деда Егора, дядя Коля Панкеев – совершенно не похож на отца. Это крепкий, округлый, дородный мужчина. У него крупные черты лица, большой лоб и шикарный, выющийся чуб. Беззлобный, открытый душой человек, умеющий веселиться и веселить других. С тех пор, как он устроился работать вместе с моим отцом в «Алтайэнерго», наши семьи стали проводить праздники совместно. Такой гармонист, как дядя Коля Панкеев, не в каждой деревне имеется. Что он вытворял на своей гармошке! Сотни русских и советских песен знала его развеселая гармонь. Ни один праздник в счастливую золотую брежневскую пору не проходил без баяна или гармошки!

Про дядю Колю Панкеева рассказали следующий эпизод. Как-то раз мужички из Зырянновска затеяли в нашем селе драку. Зырянновцы на эти дела народ способный. Но и наши не лыком шиты. Даже спокойный дядя Коля Панкеев ополчился на чужаков. Погнали их деревенские мужики. Говорят, что дядя Коля бежал за ними, не выпуская из руки баяна, один край которого хвостом тянулся за ним по дороге, поднимая густую пыль.

Санька Панкеев был старше меня ровно на неделю, не дотянул он немного до юбилея. Впрочем, по этому поводу он никогда не страдал. С детского сада началась наша дружба. Как сейчас, помню это уютное двухэтажное здание из красного кирпича. Добрые нянечки и воспитатели. Всегда вкусная и сытная еда замечательной эпохи застоя. Помню, как вместе с русским танцем «Березка» нас учили танцевать казахский танец «Камажай». Таким образом, мы с детства учились дружбе народов. Спокойную музыку «Камажая» я помню и сейчас, хотя, как мне кажется, с той самой поры ее больше не слышал. Мне нравились плавные движения этого степного танца, нравилось, как девочки ходили по кругу и присаживались на пол, изображая то любованье в зеркальце, то прядение шерсти. В русском танце «Березка» мы с Сашкой Панкеевым соперничали за право танцевать его в паре с нашей красавицей Наташей Грицаенко, потому что все поголовно были в нее влюблены. В «Березке» мне не нравилось движение, где нужно было крутиться на месте, от этого у меня начинала кружиться голова. И, чтобы на репетициях избежать головокружения, я стал с середины поворота кружиться в обратную сторону, думая, что этого никто не заметит. Но тут же мне сделали замечание, и пришлось танцевать его по всем правилам.

То, что мы с Сашкой были хорошими проказниками, не секрет. За какое-то нарушение дисциплины нас с другом однажды из старшей группы перевели на перевоспитание в младшую. Это был для нас утомительный день.

Рабочий день у наших отцов был не нормированный, и нас не всегда забирали из сада вовремя. Часто мы до самого закрытия оставались с Сашкой вдвоем.

Чтобы привлечь внимание Наташи, нашей общей любимицы, каждый из нас готов был принести любые жертвы. Однажды, наводя красоту, я выстриг себе чуб большими ножницами. Это было накануне дня, когда к нам в сад пришел фотограф. С кудым чубом я и запечатлен на той детской фотографии, напоминающей мне о моей сердечной привязанности. Оценила ли по достоинству мой поступок Наташа? Мне кажется, я имел определенный успех в ее глазах. Помню, как я устроил для нее веселое представление с башмаком. Оно было придумано мной лишь для того, чтобы ее рассмешить, привлечь к себе внимание красавицы. Она сидела в песочнице и играла в куклы, когда я, сняв с себя башмак, стал с ним разговаривать разными голосами, смеяться, подбрасывать его вверх. Ей из-

за песочной стенки не было видно моей руки, двигавшей ботинком, и потому он выступал отдельным персонажем моего маленького «кукольного» театра. Текст сочинялся на ходу. Театральное действие имело невиданный до того успех. Наташин смех рассыпался колокольчиком по округе. Я был счастлив.

Но однажды Наташа уехала вместе с родителями в Ростовскую область. Вслед за ними сорвалось с родных мест еще несколько семей, в том числе и наша. Но об этом позже.

С самого детства я как-то трепетно относился к имени Наталья. Возможно, из-за той детской влюбленности или по какой-то другой причине, но я был уверен в том, что свою судьбу я свяжу именно с обладательницей этого имени. И я не ошибся.

С детства я очень любил футбол. Ведь у меня был старший брат, у которого я учился всему, которому во всем подражал. Как только я научился стоять на ногах, Вовка катнул мне в ноги мяч. И до сих пор я страстно люблю эту удивительную игру. И тогда, в детском саду, всегда выигрывала та команда, в которой я был капитаном.

Из времен детского сада в памяти моей хранится еще несколько воспоминаний. Однажды отец пришел за мной в садик. Я увидел его на пороге дверей. Как я всегда радовался этому моменту! Отпросившись у воспитателя, я со всех ног бросился к отцу, но на полпути запнулся, расстелившись во весь рост. Я крепко ушибся и плачу, сидя на руках у отца. А он утешает меня и смеется, зная, что эта царапина такая пустяковина рядом с тем, что мне предстоит еще перенести в жизни. Об этом моменте из своего детства я вспомнил, когда мой сын так же упал в саду, когда бежал ко мне.

Однажды мы всей группой высыпали на улицу смотреть, как большой коршун гонялся за маленькой птицей. В душе мы все протестовали против хищника, который запросто мог оказаться Кощеем Бессмертным. Одним глазом мы для полного спокойствия посматривали на дверь в садик, чтобы в случае чего, благополучно за нею скрыться. Еще мы побаивались коршуна по другой причине. Родители рассказывали, что в пятнадцати километрах от Ново-Тимофеевки, в районе современной Васильевской переправы, еще до затопления находилось сельцо с интересным названием – Юпитер. Там, в конце пятидесятых, огромный коршун попытался унести маленькую девочку. Пронеся ее довольно далеко, он отпустил свою добычу. Ту девочку звали Сурина Надя. Знал бы коршун, какой она вырастет задиристой и бойкой девчонкой, облетал бы Юпитер стороной.

С детства мне везло на небольшие находки, чаще всего, монеты. Интересно, каким необычным образом они мне попадались. Как-то раз в детском саду нас повели за село, окраина которого находилась в двухстах метрах от садика. За сараями, на зеленой лужайке, воспитательница расстелила простенькое покрывало, на котором мы тесно уселись. Разомлев на солнышке, я стал копать пальцем землю. И когда мой пальчик чуть ли не на половину ушел в землю, я почувствовал им что-то твердое. Настоящая монета предстала перед глазами! Ее стоило только почистить песком с водой и можно было что-нибудь купить в магазине. До сих пор удивляюсь, как это можно было сесть посреди огромной поляны, чтобы крохотным пальцем попасть в закопанную монетку! Приведу другой пример, уже из армейской службы. В Отаре, стоя перед обедом возле столовой, я постукивал каблуком сапога по снегу, думая о чем-то своем. И вот,



во льду заблестели монеты. На крупной – портрет Ленина – рубль, и несколько серебристой мелочи. Как я был счастлив своей находке! На все деньги мы с другом купили пряников.

Вспоминается мне и один неприятный момент из детсадовской поры. Воспитательницу звали Анастасия Павловна. Была она пожилой женщиной. Мы ее почему-то побаивались. Однажды после сна мы уже готовились к полднику, когда обнаружилась пропажа какой-то вещи. Не утомляя себя долгими поисками, Анастасия Павловна построила нас в шеренгу по одному и сказала, что она отыщет «вора» простым способом – глядя в глаза. Она была уверена, что вор непременно должен отвернуть свои глаза от ее прямого взгляда. Она проходила мимо каждого и заглядывала нам в лица. И вот подошла моя очередь. Я посмотрел в тяжелые глаза и, испугавшись, отвел лицо в сторону. Таким нехитрым способом был найден «воришка». Она меня тут же вытащила из толпы, подвела к столику, на который по ее приказу я положил руки. И по моим рукам разгулялась стальная линейка. Проведя прилюдную экзекуцию, меня отправили принести украденную вещь. Я ее не принес, потому что никогда не брал. Этот крохотный эпизод запал мне в самую душу. Конечно же, в моей последующей жизни были куда более серьезные обиды и разочарования. Но тот момент несправедливого наказания был первым, и поэтому, особенно остро запомнился, он показал мне тогда жизнь с другой ее стороны.

Нам с Сашкой Панкеевым было неполных семь лет, когда мы пошли в школу. И тут мы не хотели с ним расставаться, сели за одну парту. Однако ему сказали, что он записан в параллельный класс. Он ушел, а я остался. Классным руководителем у нас была Лидия Григорьевна Шарабарина, замечательная женщина, доброй души человек. Эта фамилия хорошо известна в Восточном Казахстане. Лидия Григорьевна приходилась снохой герою Советского Союза Шарабарину Николаю Александровичу. В тот радостный день 1сентября 1974 года, я, переполненный чувствами, выбежал из толпы к отцу, забрался на подножку мотоцикла со стороны люльки, вытянулся во весь рост – вот теперь какой я большой! Начинался новый этап моей жизни.

## БРОШКА. ПЕРВЫЕ УРОКИ. НАШИ ИГРЫ

Тесные отношения мой отец поддерживал со своим дядькой Бутриным Михаилом Ивановичем. Дом у них находился в самом центре села. На мощной цепи бегала по ограде немецкая овчарка. Мы с братом часто забегали к Бутриным в гости. Помню дядю Мишу, сидящего на крыльчке без майки в жару. На его груди наковка – танк с коротким стволом, который словно клубами дыма окутан черным волосом, обильно растущим на мощной груди. На войне он и познакомился со своей будущей женой – Валентиной. О войне они практически не вспоминали. Слишком сильно опалила она этих людей. Испытав на себе голод, они старались всегда досыта накормить своих гостей и не отпускали нас, предварительно не попотчевав. Запомнилась мне жареная гречка, которая стояла на веранде на столе в тарелке. Мы дома всегда ели только отварную гречку, и жареная гречка была нам в диковинку. Пройти мимо нее за порог было не просто. Вовка на ходу набирал горсть золотисто-коричневой крупы и

подбивал на это дело меня, чтобы я тоже не терялся. Никто за это нас никогда не ругал. Радостные, мы шли по родной деревне, похрустывая вкусными гречневыми зернами.

У Бутриных было трое детей – Анатолий, Светлана и Виталий, которые родились в пятидесятые годы. Особенно любила меня Света, она всегда водилась со мной. Даже фотография сохранилась, где она держит меня на руках, улыбочивая, полнолицая и я – конопатый, с завивающимся чубом. Тетя Валя запомнилась спокойной, улыбочивой женщиной, от которой я в жизни не слышал грубого слова ни в чей адрес. Дядя Миша – солидный, видный собой и представительный мужчина с красивым мужским голосом, который он повышал лишь, когда смеялся. А смеяться он умел хорошо, любил поозоровать. Особенно весело было, когда дядя Миша и моя мама встречались в одной компании. Тут уж начиналось целое соревнование – кто кого веселей или кто кого перевеселит. Стол никогда не изобилдовал деликатесами, но всего было вдоволь, угощали гостей от души, вытаскивая из запасов все съестное – мясо и соленья. Водки выпивалось немало, но пьяных не было, потому что собирались не для питья, а для душевного общения. Плясали все – кто умел и не умел, главное было повеселиться. Мне запомнилось глазами ребенка это счастливое веселье, беззлобное отношение друг к другу, радостные лица. Я бы сейчас без колебаний поменял весь остаток своей жизни хотя бы на три года той жизни в добрую брежневскую пору, которую так старательно оплевывают сегодня. Это был небольшой промежуток того небогатого, но спокойного времени, дарованного нам Богом перед великими потрясениями и немыслимым предательством своего народа, которое уготовили нам наши правители.

Однажды в гостях у Бутриных, я, насидевшись за столом, ушел в детскую комнату. У взрослых были свои занятия, у старших детей свои, а я, не находя себе игры, полез под кровать. Там я нашел старенькую профсоюзную книжечку на имя дяди Миши Бутрина. Она привлекла меня тем, что в нее были вклеены дорогие марки, по несколько рублей каждая. Раз валяется, значит, эта вещь ненужная, подумалось мне. И я положил ее в свой карман. В тот же карман я сунул брошку, найденную там же. Она вся переливалась перламутром, только большого центрального глазка в ней не было. Забравшись на кровать, я задремал. Глубокой ночью мы возвращались на мотоцикле домой. Я сидел в люльке, ветер обдувал мое сонное лицо. Войдя в дом, мама стала раздевать меня полусонного и обнаружила в кармане чужие вещи. Спросила:

– А это что у тебя в кармане?

– Брошка и книжка.

– А кто тебе их дал?

– Никто. Я сам взял. Они валялись никому ненужные под кроватью.

– Ты не взял, ты украл!

– Я не воровал, я взял.

– Нет, ты не взял. Ты украл. Ты – вор, Сережка! – строго говорила со мной мама.

С этими словами мама подвела меня к двери и взялась за дверную ручку:

– Иди и сейчас же отдай ворованные вещи обратно.

Мне было страшно идти одному через все село к родственникам. Я плакал и умолял маму отложить это дело до утра, под честное мое слово, что никогда-никогда я не возьму без спроса чужую вещь. Мама в тот раз разрешила мне лечь.

спать. Теперь-то я понимаю, что мама моя меня все равно бы никуда не отправила, это был хороший воспитательный момент, запоминающийся урок, который я запомнил на всю жизнь. Спасибо маме за него. А утром, усевшись к Вовке на велосипед, который он оставлял у Бутриных, уходя в школу, мы отправились к родне. Я попросил у них прощения и вернул им вещи. С Вовкой и Виталей Бутриным я пошел в школу на продленку. Мама позвонила тете Вале узнать, вернули ли я украденные вещи. На что родственница ответила, что они им и не нужны вовсе. Но мама, сказала, что это дело принципиальное: «Нам воры не нужны!» Так закончилась эта поучительная история с брошкой.

Младший из Бутриных, Виталий, родился в 1959 году и был старше моего брата всего на два года. Из-за этой небольшой разницы в дядьки он нам по годам не проходил, и мы не соблюдали никакой родственной субординации, называя его просто Виталием, как и Анатолия и Свету. Виталя рос полноватым, крупным парнем. В школе, уступая в ловкости шустрому однокласснику, нерасторопно бродил он вдоль стенок, спиной собирая на костюм известку. В руке у него всегда была проволока, похожая на русскую букву «р», которую он крутил большим, указательным и средним пальцами. Это было его собственное изобретение, и почему оно имело такую форму, эта тайна осталась нам не раскрытой. Жил он своим миром, брел в своем направлении в выпачканном известкой костюмчике, покручивая в руке свою нехитрую безделушку. После школы частенько мы собирались в нашем доме на краю села. С Виталей приходили его соседи Невесенко Вовка и Сашка. Вот уж тюха-матюха был этот Вовка, нерасторопный да неповоротливый. Учился он в одном классе вместе с моим братом. Сидели они за партами спина в спину друг за другом. Однажды моим братом было придумано хорошее средство для борьбы с «чихом». Пока надумавший чихать только намеревается это сделать, нужно было поставить ему указательный палец перед глазами ближе к носу. Способ проверенный и опробованный чуть ли на всех мальчишках класса. Главное – вовремя успеть. Надумалось, как-то Вовке Невесенко чихнуть на уроке, он похлопал моего впереди сидящего брата по плечу. А тот замешкался на мгновение со своим указательным пальцем, и, повернувшись, был окачен крепкой волной чиха своего тезки.

Любимой нашей игрой была игра в «индейцев». Поняв, что бледнолицыми никто не согласится быть ни за какие коврижки, мы решили делиться по племенам. А так как всем хотелось быть апачами, то и это деление не увенчалось успехом. И тогда мой брат предложил гениально простое решение – поделить мальчишек по размеру ушей. Так у нас образовалось два племени – «малоухих» и «большеухих». Это решало сразу несколько проблем – племена незначительные – раз, у таких племен нет ни Виниту, ни Чингачгука, которыми хотел быть каждый – два, и, в-третьих, в «большеухих» опять же попадали отбракованные индейцы – Виталя, Вовка Невесенко и я, самый маленький. Нерасторопная наша компания была заранее обречена на провал. Брат Вовка был вождем «малоухих». В его племя входили – наш двоюродный брат по отцу Боря Комов, который был старше меня на четыре года, Сашка Невесенко и Гончаренко Саша, который приезжал к нам на своем велосипеде с улицы Береговой. Сашка Невесенко, в отличие от своего брата, был шустрым и расторопным. Однажды он отличился. За какую-то шалость отец хотел наказать его ремнем. Сашка, вырвавшись из рук отца, мигом взобрался на высоченную ограду в самом центре села и стал звать прохожих на помощь:

– Люди, смотрите, как родной отец своего сына убивает!

– Слезь сейчас же, – приказывал отец.

А тот не унимался, шумел на всю улицу:

– Люди! Люди!.. – слышалось в центре села.

– Слезь, Санька, не позорь отца! – смягчал тон отец, держа сына за штанину.

– А ты не будешь бить? – спрашивал тот в ответ.

Отец едва упробил слезть бунтаря с забора, обещая гарантию полной неприкосновенности. Такие вот были у нас «индейцы». Детская память довольно подробно сохранила одну из наших игр. «Малоухие» в очередной раз отправились прятаться на базы, что находились метрах в ста от нашего дома. Виталья, наш вождь, не торопясь, шел впереди, отрешенно покручивая в руке проволочную безделушку. Вовка Невесенко, позевывая, шел следом с блаженной улыбкой. А я семенял ногами за ними, стараясь не отстать от своего племени, чтобы не попасть в плен. На первой базе я знал все щели, знал, как можно забраться на чердак. Перемещаясь на другой конец чердака, где-то в середине, полновесный Виталья провалился сквозь подгнивший потолок вниз. Раздались радостные возгласы снизу – наш вождь был взят в плен «малоухими». Оказывается, они шли снизу вслед за нами, слыша наши шаги на чердаке. Хорошо хоть то, что наш вождь не придавил никого своей массой. Вышел он из базы, отряхиваясь на ходу, весь припорошенный глиной. Исход битвы был предрешен.

Вовке, моему старшему брату, я был большой обузой. Он вынужден был постоянно смотреть за мной. Ему хотелось играть со своими сверстниками, а тут такой «хвост» в виде меня. В то время вся деревня так росла – старшие помогали родителям в воспитании младших, неся кроме этого уйму домашних дел на своих плечах. Младшие донашивали за старшими рубахи, штаны, заплатанные на несколько рядов, но никто над бедностью не смеялся. Учил Вовка меня тому, что хорошо умел делать сам. Он же меня и воспитывал, иногда угощая подзатыльниками, а как же без этого? Ведь я гундосил у него под рукой, встречая в каждую дырку, обещая «обо всем рассказать маме». Мама моя перед тем, как нам отправиться играть, коротко наказывала брату: «Без Сережки не возвращайся!» А сколько раз я мог утонуть, и сколько раз меня спасал брат! Живя на берегу водохранилища, всегда опасно растить детей. Редкий год на Бухтарме проходил без утопленников. Как здорово, что у меня был старший брат! Если бы не Вовка...

Каждой весной мы с нетерпением ждали, когда южным ветром сгонит лед. Меня всегда поражал ледоход своей мощью. Это грандиозное движение льда на Бухтарме и сейчас меня завораживает. Обычно несколько дней вызваниваются иголками потемневшие льдины. Слышно, как обрушивается местами подтаявший лед. Что-то потрясающе новое творится в природе, освобождение от сковывающего, надоевшего и ненужного. Вороны с громким карканьем чернеют на темно-белом пространстве, дособиравая выброшенные после зимы рыбаками пятаки мелкой рыбы. Бухтарма ждет хорошего ветра. Самой ей не справиться. Дышит тяжело, как роженица. Как всегда перед хорошим ветром, перекачивается долгая подводная волна. И вот налетает ветер и очищает километровыми кусками море ото льда. Несколько дней таскает ледяные нагромождения, похожие на небольшие айсберги, от берега к берегу. Кругом темная вода. Гоняет радостно волну Бухтарма по огромному своему простору, как застоявшаяся

кобылица пробует она свои силы в движении. Люблю я эту пору, это бойкое оживание огромной воды.

Ледоход обычно заканчивался к майским праздникам. Многие ребяташки выискивали льдины покрепче и катались на них. А мы с Вовкой шли к морю на наш любимый затон, чтобы начинать «греть воду». Нужен был хотя бы один безбоязненный «водогрей», который мог искупаться в первой воде. Так, на отцов день рождения, в праздник 1 мая я чуть было не утонул. Было нас несколько человек – Вовка, без которого я шага не мог ступить, Виталя Бутрин, двоюродный брат Борька и встретившийся нам по пути Андрей Панов, мой одноклассник. Над затоном со стороны села нависает высокий обрывистый берег. Спустившись вниз, мы расположились на небольшой песчаной площадке. Дело было вечером, солнце уже не грело, и вода была ледяной. Но задуманное дело отменять было нельзя. Стали решать, кому прыгать в воду первым. Вовка предложил начать самому младшему. Им оказался я и запротестовал, заявив, что могу быть только вторым, пропустив вперед Панова Андрея. Андрей спорить не стал и прыгнул, но неглубоко, по колено. Я должен был прыгнуть в воду вторым, как и обещал. Разгоняюсь и прыгаю во всю свою прыть. Затон у нас глубоководный, через три-четыре метра начинается резкая глубина, которая доходит в середине до двадцати шести метров. Плавать я не умел. Помню черную воду снизу, сверху – удаляющийся свет, пузыри изо рта, ледяные объятия воды и промельк сбоку быстрой живой стрелы. Это Вовка нырнул вслед за мной. Раз, другой толкнул меня снизу из черной пропасти. Вот уже кончиками пальцев ноги я ощутил спасительный берег, глаза над водой, а нос еще в воде. Я задыхаюсь и вижу, как двоюродный брат Борька радостно кричит, войдя по колено в воду: «Да вот же он!» Он показывает пальцем в мою сторону, вместо того, чтобы протянуть мне руку и помочь выбраться из воды. Рядом выныривает Вовка и вытягивает меня на берег. Первым делом я набросился на Борьку за то, что он не подал мне руку. Тот убегает, радостный, что я не утонул, дает мне возможность за ним погоняться. За несколько лет до нашего случая, ближе от этого места к устью затона, вот так же, спасая брата Сашку, утонул Толик, старший брат Бори. Он лежал на дне под скалой, что выступала на несколько метров в воду. Там и нашли его подошедшие к месту трагедии мужики. Но об этом я узнал гораздо позже, нам об этом почему-то не говорили. А в тот первомайский вечер мы были рады, что все закончилось благополучно. Выжали белье, чтобы дома не узнали, что мы были на море, обсохли и пошли домой. Вовка строго-настрого сказал мне, чтобы я не проболтался маме о том, что я чуть не утонул, иначе про море можно забыть. До сих пор мама моя не знает о том случае, как и о других, сохранных мной и братом в большом секрете. А то лето 1974 года выдалось расчудесным, и вода стояла теплющая, видать, оттого, что хорошими мы с братом были водогреями. Спасибо огромное моему брату за то, что спасал меня и был всегда начеку.

Тем же летом я чуть не утонул в другом месте – на Старой Трассе. Так называется местечко, где сохранился небольшой кусок старой дороги, уходящей в воду в сторону Сарабели и Чистого Яра. Берег там пологий и потому вода в этом месте намного теплее, чем в затоне. Купались мы в старой компании – Виталя Бутрин, Вовка Невесенко, я и старший брат Вовка. Плавать я по-прежнему не научился, и потому Вовка Невесенко порывался меня закинуть на глубину, чтобы я сам научился плавать. За меня вступился старший брат, пригрозивший кулаком однокласснику. Еще слишком свежо было воспоминание о нашем первомайском

купании, которое мы хранили в секрете. Виталька хорошо плавал и предложил мне покатать на себе. Я ухватился ему за шею, и он нырнул. Плохо, что мы на берегу не договорились о совместном выныривании, ведь объем легких у шестилетнего мальчишки намного меньше, чем у пятнадцатилетнего парня. Этого-то и не учел Виталю. В чистой воде проплыли мы десяток метров, и я разжал свои руки. Виталю, освободившись от ноши, с легкостью дельфина удалился в глубину. На том месте, где я остался, было совсем не глубоко – по грудь взрослому человеку но мне было этого достаточно, чтобы утонуть. Я барахтался в воде, не доставая дна. И снова меня спас старший брат. Виталю, вернувшись из своего неторопливого плавания, подоспел ко мне вслед за Вовкой.

Жить на берегу и не уметь плавать – последнее дело. В том году под чутким Вовкиным руководством я все-таки научился плавать по-собачьи. Самого же моего брата когда-то обучали плавать по-другому. Старшие парни Штанько Валерка и Васька, выловив не умеющую плавать ребяtiny на берегу, без раздумий закидывали в глубину затона. Иной раз выплывали на лодке и сбрасывали прямо с нее недалеко от берега. Таким простым способом «на выживание» были обучены все ребятишки, живущие на краю села, прилегающем к затону. Так, показав чудеса живучести, когда-то научился плавать и мой старший брат.

Самым любимым нашим увлечением была рыбалка. Помню, мне было года четыре, когда отец отвез нас с братом к маленькому затончику за селом, оставил закидушку и ведро под рыбу, а сам уехал по делам. Мы примостились на большущей лодке дяди Паши Сошнева, и Вовка закинул с кормы снасть. Я сидел рядом и наблюдал. Этот небольшой водоемчик всегда зарастал травой, камышом и кувшинками. Поклевки не было. Брат потянул леску, которая за что-то зацепилась. Он уже решил раздеваться, чтобы нырнуть в воду и отпутать из травы блесну, но леска вдруг натянулась. Рыбак не растерялся и стал вытягивать добычу. Долго ему пришлось повозиться, прежде чем щука оказалась в лодке. В ведро она не помещалась, голова и хвост выпирали из него наружу. Отец, приехавший за нами, был приятно удивлен. Вовке тогда было не больше десяти лет.

Лет в пять и я уже научился ловить крупных окуней. Тогда мы пропадали целыми днями на море, облюбовав в большом затоне, за водопадом, противоположный от села берег. Там – гребни барханов тянутся вдоль моря. Это место в селе прозвали Песочной. Словно большой золотой подковой рыжий берег огибает затон. Только на Песочной он не такой крутой, как со стороны села. В этом месте мы и рыбачили. Клев там был всегда. Мы налавливали по несколько куканов рыбы и с такой тяжелой поклажей шли домой. Когда мы проходили по окраине села, нас нередко останавливали старушки, чтобы купить у нас рыбы. Мы с удовольствием продавали кукан окуней и домой возвращались с меньшей поклажей, да еще в придачу с деньгами.

## МАСТЕР

О таких людях, как мой отец говорят, что они «не от мира сего». Если он надел кепку или шапку, то она на нем сидит непременно набекрень. В разговоре он собеседник неважный, потому что вечно думает о чем-то своем, и думы его далеко витают, добрую половину разговора пропустит он мимо ушей. На любой

самый простой вопрос он отвечает сумбурно, несвязно и до того туманно, что кажется, будто он специально старается тебя запутать. К примеру, спрашиваю: «Когда поедем за арбузами?» Ответит: «Нынче арбузы хорошие. Весь Биткаин засадили. Люди уже возят. Скоро у мамки день рождения. Надо бы привезти». Вот и пойми – когда же все-таки мы поедем за арбузами? Странноватый, теряющийся, не всегда умеющий постоять за себя и резко ответить на грубость.

Его многолетним увлечением был ремонт телевизоров. Порою, остановится отец посреди комнаты и шепчет под нос странные на первый взгляд фразы: «6Ф1П», «1С21П»... Похоже на шахматную партию. Это он в уме делает очередной телевизор, перечисляет нужные лампы. И занятие это требует не меньшего умственного напряжения, чем шахматы. Разница в том, что отец принципиально не мог «проиграть», ведь к нему шли за помощью односельчане и люди из окрестных деревень, и он не имел права их подвести. К нему шли как к мастеру. Он держал марку не только, чтобы оправдать доверие людей, он просто всегда жил по совести. Никому не отказывал в помощи. А за свою работу так и не научился брать деньги. Иной раз лампочка, вставленная в чужой телевизор на свои средства, стоила в несколько раз больше, чем то, чем рассчитывались земляки. А рассчитывались комбикормом, картошкой, иной рубль даст или три, а иногда просто чаем угостят или достанут бутылку водки. А вот распитие спиртного матери совсем не нравилось. Одни убытки с того – кроме напрасно потраченного времени еще и хмельной муж, только и всего! «Простота – хуже воровства!» – говорила в таких случаях мама и запрещала отцу заниматься ремонтами. Проходило немного времени, и отец снова шел ремонтировать телевизоры.

Все, что было связано с электричеством, было для отца родной стихией. Почти всю свою жизнь он проработал в «Алтайэнерго». Благодаря моему отцу, все наше село всегда ярко светилось огнями.

Труднее всего отцу было принять какое-нибудь решение. Особенно, если оно касалось какой-то практической стороны. Меньше всего он принимал участие в нашем с Вовкой воспитании, когда дело доходило до наказания. Он в жизни ни разу даже пальцем нас не тронул. Не будучи в то время христианином, отец был для нас живым примером какой-то христианской незлобивости, кротости и мягкосердечия. А так как моя мама, воспитанная в жестких правилах, и сама была сторонником строгого воспитания, то ей пришлось нас наказывать за двоих. А воспитывать «ремнем» и «углом» таких сорванцов, как мы с братом, приходилось часто, и нельзя было пускать наше воспитание на самотек.

За всю свою жизнь отец лишь однажды поставил меня в угол. Дело было весною, когда мы всей семьей вышли очищать двор от мусора. Земля уже оттаяла, влагу быстро впитал песок. С детства я не помню, что такое слякоть – наше село стоит на песках, и потому любой, самый жуткий, ливень лишь на считанные часы оставлял лужи, которые быстро поглощал песок. Сразу за сараями стояли барханы, в ту весну рано освободившиеся от снега. Мы собирали в кучу редкую листву тополей и берез, что не успели убрать осенью, солому, что растеребил из стога ветер и раскидал по ограде. Весь этот мусор вытаял из-под снега и успел просохнуть на звенящем азиатском солнце. Хорошо горел костерок, в который мы набросали картошки. На базах мы с братом раздобыли небольшие резиновые трубки с вывернутыми краями, которые использовались при дойке коров.

Эти резинки замечательно горели, крепко коптя черной сажей. Насадив их на палки, мы бродили вокруг костра с самодельными факелами. Не задумываясь о последствиях, с ярким факелом я отправился к стогу сена, которого должно было с лихвой хватить нашей корове на всю весну. У меня и в мыслях не было его поджигать, я только хотел собрать вокруг стога редкие былки сухой травы для костра. Но сам факт того, что я пошел к стогу с огнем, был возмутительным и немедленно был пресечен отцом. В случае пожара, наша корова осталась бы на всю весну без сена, и, значит, обречена на убой. Кроме того, стог стоял рядом с сараями и гаражом, которые неминуемо попали бы в зону пожара. Задал я отцу задачу в тот раз: он совершенно не знал, что со мной делать. Выручила мать, надоумившая отца поставить меня в угол. Он завел меня в дом и «поставил», без всяких «ремней» и прочих жестких мер, беззлобно и неумело, словно наказание только и заключалось в том, чтобы спрятать меня от всех. Репрессивные меры ему претили в любом виде, он всегда этому противился и переживал, словно наказывали его самого. В тот солнечный день наказание мое больше походило на награду, потому что я вынужденно отдыхал, когда вся семья работала. Так наказал меня в тот единственный раз мой отец. Он выпустил меня из угла к той поре, когда испеклась в золе картошка. Счастливые, с черными от картошки губами, мы до заката сидели у костра.

Слух о том, что мой отец умеет делать все виды черно-белых телевизоров, быстро облетел прилегающие села по нашему и противоположному берегу Бухтармы – на два района. Однажды отец находился на работе в селе Подгорном, которое считалось одним из отделений нашего совхоза. Это небольшое село известно в нашем краю тем, что из него вышло три Героя Советского Союза! В Подгорном к отцу подошел местный мужичок с просьбой отремонтировать телевизор. После работы отец занялся ремонтом. Но что-то странное творилось с телевизором, у которого отец никак не мог обнаружить поломку. Он догадался о причине вскоре после того, как узнал, что у соседа тоже сломался телевизор в одно и то же время. Оглядел все прилегающие к деревне холмы и спросил, указывая на более высокую горку:

– А вот на том пригорке что-нибудь стояло раньше, до того, как у вас сломался телевизор?

– Да. Стоял старый комбайн разобранный. Его на днях свезли на металлолом.

– Ну, так везите его обратно, а то так и будете без телевидения сидеть. У вас село находится в глубинке, как в ковше. Этот старый комбайн играл роль антенны, притягивая сигнал, идущий из Солдатова.

Вот такой интересный случай!

В Караколе, что находился неподалеку от Подгорного, сельчане придумали ловкий способ доставки отца к ним в село. Когда набиралось несколько сломанных телевизоров, сельчане договаривались с отцом о ремонте, а ему на работу сообщали, что на линии электропередач произошел обрыв. За отцом приходила аварийная машина, увозила его в Каракол, а после доставляла обратно.

Любил отец собирать своими руками разные электрические приборы. Это были стабилизаторы, нагреватели, зарядчики аккумуляторов, инкубаторы и прочее. Десятки телевизионных антенн собрал мой отец. Все опытные испытания он проводил на своем телевизоре, а потом удачные конструкции собирал



для людей. Помню, одна из его антенн представляла собой какую-то очень сложную конструкцию. Несколько лет отец подбирал трубы, чтобы они идеально входили одна в другую. Самая толстая труба лежала перпендикулярно стене дома, напротив окна в зал, следующая входила в нее и закреплялась. И так несколько труб, которые лежали на всю ширину огорода, доходя чуть ли не до самой трассы. И вот настал день, когда эту конструкцию нужно было поднимать и устанавливать. Система подъема представляла растяжки и блоки через которые осуществлялся подъем тяжеловесной и протяженной конструкции. Нужно было четко рассчитать место, за которое требовалось зацепить антенну. Все это отец многократно прокручивал в уме, нашептывая про себя какие-то замысловатые расчеты. Он весь в то время был поглощен этим делом. В день подъема антенны слегка поскрипывал трос, наматываемый через блок на бабину. Отец стоял возле сараев и крутил устройство. На крыше дома стоял блок, через который шел подъем антенны. В течение нескольких часов отец в одиночку установил и закрепил растяжками конструкцию. Теперь на въезде в Ново-Тимофеевку, у самой трассы, стоял дом с высоченной антенной, на которую с нескрываемым интересом глядел каждый въезжающий в село. Это была своего рода визитная карточка – любуйтесь, не дураки живут в нашем селе. И действительно, изобретателей в Ново-Тимофеевке было немало. Только одних самодельных грузовых машин и тракторов было в селе чуть ли не с десятков – у Шульгиных, у Сопкиных, у Сошневых...

## СТАРИК И МАСТЕР

Была зима. Морозными ночами и днями было слышно, как лопается лед, и тогда трещина гулко неслась по замерзшей Бухтарме, разрезая белую ровную гладь рукотворного моря. На нашу радость той зимой Ягодка, наша корова, принесла крупного красивого бычка Февральку. Весь рыжий, с белой звездочкой на лбу, он больше месяца жил у нас в доме, привязанный чулком к большому гвоздю в стене. Жил теленок в свое удовольствие, ел хорошо, брыкался с мычанием, игриво пробуя бодать стенку, неслышно цедил струйку на подстеленную тряпку. Когда родители находились на работе, мы с Вовкой должны были за ним убирать, начисто вытирая пол. Мама, придя с работы, наводила теленку пойло, которое состояло из Ягодкиного молока и накрошенного хлеба. Иногда мама доверяла мне поить Февральку. Нужно было подставить ведерко под морду бычку, который еще только принюхивается и не умеет самостоятельно есть. Ведро нужно крепко придерживать, чтобы теленок невзначай не выбил его из рук и не пролил. Потом, как учила меня мама, нужно было окунуть кисть руки в ведро, и аккуратно сунуть смоченный молоком палец в рот бычку. Распробовав молоко, теленок пытается сосать палец, подаваясь за ним в ведро с молоком. Таким нехитрым способом мы и поили телят.

Когда открывалась входная дверь, то первым врывается через порог облако морозного пара. Вспугнутый скрипом дверей, теленок подскакивал на свои худенькие ножки. Он подхватывался бежать, но, сдерживаемый мягким чулком, останавливался, брыкался, подкидывал задние ноги, показывая, что научился лягаться. Смешной, четвероногий коровий ребенок.

Но еще смешнее теленка были козлята. Два черненьких, с мелкими рожками, веселых непоседы и задиры. Одного звали Тепка, а другого Степка. Один – мой, другой – брата. Интересно поить их из бутылки: поддает головой мой Степка, хвостом крутит из стороны в сторону. Носились эти два четвероногих близнеца по всем комнатам, собирая половики, бодаясь между собой. Мурка, наша кошка, пряталась от них подальше, забиваясь под диван или выпрыгивая в форточку. Они забирались прыжками на спинку дивана, перескакивая через лежащего на нем отца. Мы все смеялись, глядя на наших любимцев. Мама, раскрасневшись от смеха, закрывала глаза, из которых выступали бисеринки радостных слез:

– Ты посмотри на него... Бодать меня удумал... – Вовкин Тепка приступил вплотную к сидящей на полу матушке и нацелился ей в бок, – Я тебе дам... Тепка! Ах ты, чертенок непутевый...

Мама прижимает к себе бодливого козленка, слышно только его примирительное блеянье, словно он прощенья просит. Матушка отпускает Тепку, а он уже со Степкой затеял биться лбами. Встанет на задние ноги да со всего маха врежется рожками в рога Степке.

– Ну анчутки, ну анчутки, – вздыхает мать, радуясь вечернему представлению.

На ночь козлят уносили в сарай к козе. Приносили их в дом ближе к вечеру следующего дня, и мы снова смеялись над их проделками.

Зимним морозным днем 1974 года к нашему дому подъехала кошевка. В нее был запряжен красивый – серый, в яблоках, конь, каких я не видел в нашем селе. Куржак облепил челку и гриву коню – видно было, что путник проделал на нем немалый путь. Из кошевки поднялся старик, похлопывая руками по замлевшим коленкам. А когда он разогнулся и встал во весь рост, я открыл рот от удивления – таких великорослых людей я в жизни еще не видел. Это был настоящий богатырь, будто сплав особой стали, крепкой сибирской закалки. Краснощекий старик, с великолепными красно-рыжими усами, торчащими в разные стороны. Усы у мужчины тоже были покрыты куржаком.

Отец в это время нес корове навильник сена. Увидев издалека путника, он поторопился опростать сенцо в ясли и пошел навстречу гостю. Тот подался навстречу отцу:

– Кажется, не признал меня, Алексей?

– Да разве Вас с кем-нибудь спутаешь! Если с медведем только, – отец с улыбкой поприветствовал старого знакомого и пригласил его в дом.

Старику, как оказалось, было под восемьдесят лет. Звали его Алексей Иванович Добрынин. Он жил на другом берегу Бухтармы, в Свинчатке. Моего отца он помнил еще юношей, с тех самых пор, когда тот учился в Свинчатском техникуме и ремонтировал радиотехнику по домам. И приехал он неспроста. Узнав от своих земляков о том, что на другом берегу есть непревзойденный мастер, родом из Чистого Яра, он сразу догадался, о ком идет речь. И решил навестить старого знакомого да заодно еще привез сломанный телевизор на ремонт. Когда он входил в дом, то пригнулся под косяком. Проходить далеко не стал, чтобы не снимать валенок лишний раз, сел у порога на табурет и выдал причину своего визита.

– Вот решил произвести разведку боем, – признался отцу ветеран трех войн. – Погорел у меня телевизор в прошлую субботу. Сильно упарился я в тот раз

в баньке. Прилег на диван, да и заснул. Прохватился от яркого света, гарью в ноздри шибануло. Смотрю, а мой телевизор полыхает огнем. Выдернул я его из розетки и ведром воды залил, благо все под рукой, в доме. Вытащил его на улицу и оставил до утра. К утру его снежком присыпало, обмел веничком и в мастерскую...

Всякого повидал отец за время своего общения с электроприборами, но такой случай ему представился впервые. Старик продолжал:

– Повез я его в мастерскую, в Большенарым. А там подняли меня на смех, говорят, дескать, снеси, старик, этот оплавок на помойку. Так и сказали – «оплавок». А мне-то его жалко, ведь добрый телевизор, чисто показывал. Не то обидно, что даже взяться за ремонт не хотели, а то, что посмеялись обидно. За живое взяло меня, говорю, есть мастер – не вам чета, он его сделает, не хуже прежнего будет. И поехал к тебе, Алексей.

После такой предварительной речи, отцу ничего не оставалось, как дать свое согласие на ремонт. Мастер, как-никак! Но когда Добрынин занес телевизор в дом, то отцу показалось сначала, что дело не имеет перспективы. Практически всегда зимой телевизоры привозили завернутые в одеяла. Когда Алексей Иванович развернул одеяло, то глазам мастера предстала действительно жуткая картина – полкорпуса телевизора сгорело, часть ламп было расплавлено, устойчивый запах гари еще не выветрился. Но делать было нечего, слово было уже сказано.

– Что ж оставляйте, попробую что-нибудь сделать. Хоть кинескоп цел остался, уже хорошо. С недельку с ним повозиться придется, так что к концу той недели приезжайте за ним.

На том и порешили. Старик с хорошим настроением отправился домой, дело шло к закату, ему нужно было еще успеть переехать на ту сторону Бухтармы.

В тот же вечер мастер принялся за ремонт. Первым делом он освободил содержимое телевизора от обгорелого корпуса. Оставшееся без корпуса содержимое телевизора он понес под кран, где под напором воды тщательно промывал лампы и щеткой счищал нагар с закопченных деталей. Занятый своим делом, отец проговаривал вслух технические термины: БМК, ПТК, лампа развертки 6Ф5П, кадровая, строчная... Так-так, еще 6П36С, 6Д20П...

Каждый раз, когда у нас в доме оставляли телевизор на ремонт, это вносило в наш размеренный быт определенный дискомфорт. Телевизор отец водружал на стол в зале, кинескопом к окну, чтобы в отраженном стекле видеть изображение экрана. Рядом отец раскладывал схему, и внимательно ее «читал». Под рукой находился паяльник, баночка с канифолью и оловом. Когда он начинал паять, по залу распространялся вкусный запах канифоли. Полностью сосредоточенный на ремонте, отец уходил в это дело с головой, и отвлекать его в это время было бесполезно. На время ремонта антенна из нашего телевизора вытаскивалась и подключалась отцом к чужому. Поэтому телепередачи и фильмы на этот срок нами просматривались только урывками.

Мама, придя с работы и увидев привезенный из Свинчатки телевизор, от удивления развела руки:

– Лешка, как же ты ремонтировать его будешь, ведь тут доброй половины телевизора нет?!

На что отец уверенно отвечал:

– Да он еще лучше нашего показывать будет!

И это были не пустые слова, а принципиальная позиция отца, особенно в таких случаях, когда отремонтировать телевизор его просил человек, которого он уважал и не мог подвести. Ради хорошего человека отец мог пожертвовать многим. Так было и в тот раз с телевизором Алексея Ивановича Добрынина. У отца всегда в запасе хранилось несколько корпусов телевизоров различных моделей. Один из них отец поставил вместо обгорелого, вставил уйму деталей, бывших у него в запасе. А когда ремонт был окончен, отремонтированный телевизор поставили на место нашего. И вот прошла неделя. Приехал старик-богатырь. Вошел в дом, прошел в зал. Глянул на свой телевизор, но не узнал:

– Не налюбуюсь на твой телевизор, Алексей. До чего он чистенько показывает.

Отец со стороны с интересом наблюдал за стариком. Спросил:

– Нравится, как работает?

– Конечно!

– А раз нравится, забирай его себе, Алексей Иванович!

Старик опешил в недоумении, пока отец настоятельно не потребовал от того:

– Забирай, Алексей Иванович. Это твой телевизор. Смотри его на здоровье. Только уж не закапчивай его до такой степени...

Сколько радости было в глазах у старика! Сколько добрых слов было сказано им! Алексей Иванович вышел на улицу и занес в дом два мешка отборной свинчатской картошки, что славилась на весь край. Один мешок красной и один мешок белой картошки. Невиданный мы собрали урожай с этой картошки в том году.

Когда я глядел на старика-богатыря, меня одолевало желание потрогать его красивые огненно-рыжие усы. И он, словно прочитав мои мысли, поднял меня высоко на руки и приблизил к своему лицу:

– Ну, на, потрогай мои усы, постреленок. Они самые настоящие, не приклеенные, живые. Знаю, каждому мальцу хочется потрогать дедовы усы!

Так исполнилось первое мое желание. А затем и второе – прокатиться в кошевке. Серый, в яблоках, конь бежал по деревне. Я ехал на самом красивом коне, красивее которого я еще не видел. Морозный ветер румянил мне щеки. Я был счастлив сидеть рядом с русским великаном. Он вез меня в школу. А по дороге мы собирали моих одноклассников – Такира Бейсембекова, Ваську Сидельникова и Мергенчинова Ершока. Мало кому выпадало такое счастье – на богатой кошелке да прямо к школе!

## МОЯ МАМА

Моя мама всю свою жизнь проработала в больнице медсестрой. По окончании медучилища она попала по распределению в Чистый Яр. С тех пор и осталась она жить здесь, на Бухтарминском побережье. Она уходила на работу на сутки или на 12 часов, иногда в день, а иногда в ночь. Эта работа маме нравилась. Как всякому общительному человеку ей доставляло удовольствие работать с людьми. Она общалась с больными, поддерживала их, веселила, что умела делать превосходно. Рассказывала им всякие байки, анекдоты. И больные всегда ждали ее смены, делились с ней своими горестями и радостями, рассказывали маме о своей жизни.

До сих пор мама с чувством глубокого уважения вспоминает врачей, с которыми приходилось вместе работать. Конечно же, в первую очередь вспоминает главврача Чистякову Тамару Павловну, фронтовичку, замечательную женщину. Благодаря ей в Ново-Тимофеевке была построена одна из первых в Казахстане типовых участковых больниц. В любую погоду, в любое время года она, несмотря на свой недуг, шла на вызов. К боевым наградам Тамары Павловны добавились ордена Трудового Красного Знамени и орден Ленина, а также особый Знак «Отличник здравоохранения СССР». И человеком она была хорошим, очень проста была в общении. Мама добром вспоминает главврача: «Бывало, на праздники Тамара Павловна сама дежурить останется, медсестер по домам отпустит: «Отдыхайте, девчата!» Какой врач сейчас на себя такое возьмет?» И других врачей вспоминает добрым словом: «А после Тамары Павловны был на практике Досмухамбет Кусаинович Кумаров, умница такой! А сколько в районной больнице было специалистов. Хирурги – Жунусов, Габидуллин, Ширизаданов, который однажды делал операцию моему отцу. Детский врач Дмитриенко Василий Григорьевич. Врач-невропатолог Лобода Людмила Михайловна. Старшая медсестра в детском отделении – Титова Людмила Михайловна. Все это заслуженные люди, которых незаслуженно забыли. Помнить нужно о тех, кто оберегал людям здоровье!»

Моя мама, познавшая с детства голод, не могла даже мысли допустить, чтобы мы, ее дети, испытали недостаток в еде. Все готовилось с серьезным запасом, словно нас было не двое, а целый выводок. Если мама пекла печенье, стружки или булочки, то выпечка едва помещалась в таз, и ее хватало нам на неделю. А зимой мы усаживались лепить пельмени. Впрок. Целое ведро фарша мы раскладывали в сочни, забивая под самый верх флягу замороженными в кол пельменями. Особое удовольствие нам зимой доставляли сырники, которые представляли собой сладкий замороженный творог. Сырники были величиной с оладушек. От них всегда ломило зубы, но несмотря на это съедали мы их очень быстро. Казанок плова съедался семьей в два присеста. Особенно мне нравился зажарок, когда мама вторично разогревала плов, и рис в казанке поджаривался. Мы с Вовкой до драки делили лакомство. Мама вмешивалась в нашу дележку, поддавала нам без разбору – и правому и виноватому. Частым кушаньем была толчонка. В картошку мама наливала жирного Ягодкиного молока и толкла деревянной толкушкой. Когда последняя картошина была размята, мама доставала толкушку, сплошь облепленную горячей картошкой, и спрашивала у нас: «Чья очередь?» Мы с Вовкой наперебой неслись к матери. И если не могли выяснить, кто ж все-таки в последний раз облизывал скалку, то делили пополам, что было сделать совсем непросто, ведь толчонка с толкушки была почему-то в сто раз вкуснее той, что в тарелке.

Куры в нашем хозяйстве всегда хорошо велись. Яйца раздавали многочисленной родне и продавали сельчанам. Наваристой получалась лапша из домашней курицы. Куриные ножки мама оставляла нам с братом, а пупок всегда доставался мне. Старший брат никогда не выделялся хорошим аппетитом, он постоянно выбирал из еды лук, присматривался к ней, за что получал от матери нарекания. За пятьдесят лет он нисколько не изменился, остался таким же привередливым в еде. Я же для матери был едоком номер один, наверное, потому что был младшим. Маме нравилась моя «всеядность»: «Сережка у нас молодец, ест все, как мельница». Брат нисколько не завидовал моему преимуществу. Он

искоса наблюдал за моим быстрым поглощением куриной косточки и не в силах «перенести» моей прожорливости, шипел под боком: «Жрешь, сидишь, проглоти... Хоть бы собакам косточку оставил, обожрал все хрящики...» Во мне тут же пробуждалась совесть, и я переставал обглядывать косточки, оставляя их Барсику, которого я тоже любил.

Летними вечерами наш одинокий домик погружался в легкую дымку, наполненную густым запахом чабреца и полыни. От Бухтармы навевало речной прохладой и запахом степной, выжженной на солнце травы, от остывающего вечернего песка. Чистейший ароматный воздух, который я нигде и никогда больше не встречал. Запах моей родины. Счастье, подаренное мне Богом.

Такими вечерами мама брала меня с собой встречать нашу корову Ягодку. От безостановочной беготни я к той поре обычно уже начинал испытывать голод. Мама отрезала корку хлеба, натирала ее чесноком и подавала мне. Как же вкусен был этот замечательный хлеб детства! Мы шли и разговаривали. По рыжим пескам. Мимо деревянной сторожки у базы, где охраняла ночами совхозное добро хромая старушка Сарсембаева. Мимо одиноко возвышающейся бойни, чьи карнизы были облеплены ласточкиными гнездами, где работал друг нашей семьи старый Абдулда. Мимо баз, где стояли бесконечные совхозные стада. Мы шли с моей любимой мамой навстречу густому пыльному облаку, которое несло над собой деревенское стадо. Мама была молодой и красивой, а я краснощеким мальчишкой с золотым чубом. Рука в руке. Время неопишемого счастья, спокойствия, дарованного всем нам великой страной.

Мы идем через поляны, на которых растет пышный, раскидистый травяной кустарник, который мама называет «малахаем». Другой кустарник травы мама называет «хандрилой». На этой «хандриле», на ломких ее стеблях, «замерзают» на солнце густые капли кофейного цвета. Мама собирает эти капли и протягивает их мне, чтобы я жевал. Обобрав несколько таких кустиков, мы набрали себе полевой жвачки, терпко пахнущей степью. Мы с мамой идем к Водопаду, так называется крутая огромная котловина, образованная между небольшим водопадом на Сухой речке и протяженным затоном. Именно к этому месту подходит стадо. Усталые коровы бредут через небольшую речку и поднимаются на крутой песчаный взгорок. На этом взгорке ждут мои односельчане своих кормилиц. Мы с мамой здороваемся со всеми, разговариваем, ждем Ягодку. Разобрав своих коров, люди ведут их к своим дворам. Нам с Ягодкой идти дальше всех, в свой околоток. Все понимает Ягодка, только говорить не умеет. Мычит устало, мол, и сама бы нашла дорогу к своему сараю. Глядит большим черным блестящим глазом на меня, идущего по эту сторону от нее, словно хочет сказать мне: «Сейчас угощу тебя молочком». Мама идет по другую сторону, разговаривает с ней: «Устала, моя хорошая. Сейчас накормлю тебя, тыковки порезала тебе с дробленкой, айда домой». Небодучая у нас корова, добрая, рослая, с крутыми рогами. Идет Ягодка усталым шагом, несет кормилица тяжелое, полное вымя молока. Нет-нет упадет с крупных сосцов в песок молочная струйка. Мычит корова, завидев родной сарай. Там готовое ведро стоит с лакомством – молодой молочной тыковкой. Рядом, залезанный шершавым коровьим языком, кусок соли. Привязав веревкой за рога в углу стойла, мама начинает доить корову. Она садится на маленький табурет. Тщательно моет коровье вымя, смазывает сосцы, чтобы лучше доились. Гладит корову по округлому брюху, разговаривает с ней. После задушевного разговора

со своей кормилицей мама приступает к дойке. Вызванивают первые струи о железное донце ведра. Наполняется ведро, шипит струя, взбивая пену. Вот мама, не оборачиваясь от коровы, зовет меня: «Сережка! Подай кружку. Иди пить молока!» Я играю в футбол, не могу оторваться от игры. Слышу настойчивый мамин призыв. Бегу к матери. На столбе, к которому привязана корова, вбит небольшой гвоздь. На том гвозде висит моя железная кружка. Я протягиваю ее маме и прошу, чтобы она не доила в нее, а зачерпнула мне прямо из ведра, потому что некогда, нужно забить гол. Выпив одним махом всю кружку молока, я уношусь к друзьям. Мама смеется, видя, что мой след уже простыл, а кружка сорвалась с гвоздя и укатилась к ее ногам. Радуется тому, что я расту крепким ребенком и нисколько на меня не в обиде за грязную посуду, которую, вымыв, она снова повесит на мой гвоздь. Вовка, мой брат, не пьет парного молока, выбирает пенку из кипяченого и пьет холодное молоко лишь тогда, когда кроме молока ничего на столе нет. Такие вот мы разные родные братья.

Вечерами, когда в деревянной сторожке возле базы появлялась хромя старушка, мы с мамой шли к ней в гости. Старуха Сарсембаева, бабушка моей одноклассницы Жанки, по-русски почти не разговаривала. Зато моя мама прекрасно разговаривала по-казахски. С непринужденной легкостью мама общалась на чужом языке – здоровалась, разговаривала, рассыпала казахские пословицы, которые не каждый казах знал. Она изучила народ, с которым мы жили бок о бок, уважала его традиции и культуру. Две казахских семьи стали нам родней – Ергимбаевы и Дюсюповы... Мама принимала роды в этих семьях на своей смене, и поэтому стала крестной матерью этим детям, двум мальчишкам.

В гости к бабке Сарсембаевой, что сторожила базы, мама шла не только пообщаться, но и произвести обмен вяленой рыбы на курт. Мама с детства полюбила это казахское национальное блюдо, сушеный кислый сыр. А старушке нравилась вяленая сорожка, которой у нас всегда имелось большое количество. Менялись. Мама давала мне в руки курт, и я с удовольствием грыз его.

К этой старушке-сторожихе мы с братом ходили и самостоятельно, без маминого ведома, уносили ей вяленой рыбы. Иногда она приносила курт, а иногда открывала ворота ближней базы, где горой лежали прессованные пластинки жмыха. Мы этот жмых называли макухой. Старушка угощала нас макухой. Мы, полные счастья, грызли эти куски, с виду похожие на халву. А однажды, заглядевшись на свое отражение в воде, которой была наполнена бочка, вкопанная на базе в землю, я чуть было в нее не свалился. Мне показалось, что меня притягивает к себе мое отражение. Спасла все та же хромя старушка, оттянув за шиворот от опасной бездны.

Когда-то, до этой старушки, на базах сторожил другой человек. Было это вскоре после затопления нашего Прииртышья. Тогда он был еще молодым. А рассказал моей маме о своей женитьбе, будучи уже пенсионером, когда лежал в больнице на лечении. С маминых слов и я перескажу эту историю.

## КАЛЫМ

Аул Кулажурга давно стерло время с лица земли. Остались от него небольшие холмики да каменные плиты могил. Ветер прибывает к земле густые стебли бурьяна да поднимает волну на Бухтарме. Гонит ее в сторону Большенарыма

в необъятную даль или обратно, в Зайсан, где и подавно ни конца и ни края не видно, лишь два острова, как миражи, висят над водой, напоминая, что там когда-то был поселок Баты.

В тихую погоду над нашим селом стоит пыль, взбитая копытами сельского стада. Относит ее к Бухтарме еле уловимым дуновением ветра, развешивает ее над водой рыжей паутиной.

Летними вечерами, в одно и то же время, опираясь на палку, бредет на песчаный берег одинокий старик. Он смотрит подслеповатыми глазами на другой берег, в сторону своей родины – Кулажурги, стараясь рассмотреть очертания горных хребтов над исчезнувшим аулом. Припоминается ему его молодость: худощавый юноша с горящим от любви сердцем и тревожной думой о том, как отдать калым?

В ауле, где он родился, люди жили бедно, но делились друг с другом последним. Порою нечем было затопить печь, и мать посылала сына к соседям за угольком. Часто, чтобы найти этот уголек, нужно было пройти пол-аула. «Иди, Куаныш, к Канипе или дяде Такиру, попроси чаю», – посылала его мать, и он шел к Канипе и дяде Такиру. Как забыть этот грузинский кирпичный чай! Ведь если даже у кого оставался маленький, с мизинец, кусочек этого чая, его хозяин ломал пополам и отдавал половину односельчанину. Такой был закон в степи. «Мой народ был небогатый, но хороший, добрый, – вспоминает свою молодость Куаныш, – Куда все подевалось? Теперь у людей все есть, а попробуй, попроси чего-нибудь! Хорошо, если не прогонят. Злой стал человек».

Дети у Куаныша давно выросли. Выросли дети детей. И когда вся жизнь осталась за спиной, а впереди остаточек, величиной с мизерный кусочек того драгоценного чая, страшно хочется оживить прошлое, оглянуться назад. Вот Куаныш вспоминает, как влюбился в Бакытку. Когда горит степь и ветер раздувает огонь, мало после него остается живого. Так и в душе Куаныша загорелась любовь и выжгла все, что было до нее. На том пепелище поднялась дикая, необузданная поросль его любви, огромной и чистой, как солнечное джайляу. Лучше беркуту скормить свое горящее любовью сердце, чем отдать свою черноглазую горлицу кому-нибудь другому. Добился он сердца своей возлюбленной. Но как быть бедному человеку, если ему нужно платить калым, а платить нечем?! И пошел он на свой страх и риск к будущей своей теще Аклиме и будущему своему тестю Казбеку сватать Бакытку. Одежда на нем старая, штаны рваные, все заплатаанные.

– Я пришел Бакытку сватать!

Акклима спрашивает:

– А у тебя есть калым? Давай калым!

– Нет у меня калыма!

– Не пойдет за тебя Бакытка!

Гонит Куаныша Акклима, а он упирается, не уходит. Встал посреди мазанки:

– Вот мой калым! – повернулся к ней спиной, а в рваные штаны голое тело видно.

Акклима схватила скалку, которой в доброе время катала тесто на бешбармак, и давай лупить Куаныша. А он так спиной и стоит к ней, не защищается:

– Бей и ты меня, Акклима! Чистый Яр бил, Сарабель бил, Кулажурга бил! Ну и ты бей.



Устала Аклима бить и гнать Куаныша в двери. Тут он повернулся к ней и с напором в голосе заговорил:

– Как хочешь, а Бакытку я уже в камыш водил, и отсюда никуда без нее не уйду!

Хлопнул шапкой об земляной пол и сел на нее прямо там, где стоял:

– Отдай мне Бакытку в долг, позже заплачу я тебе за нее калым.

Теща побила его для острастки еще немного и разрешила молодым жениться. Так вот посватал Куаныш Бакытку и забрал ее с собой.

А когда затопило села и аулы Бухтарминское водохранилище, они переехали на другой берег, в новое село. Куаныш устроился работать в колхозе сторожем. А жили они в сторожке, на краю села, охраняли фермы. Ночью, когда отелилась колхозная корова, подложил Куаныш вместо новорожденного теленка – другого, замерзшего, что был привезен для такого случая со скотомогилок. А живого теленка той же ночью увез родственнику. И так несколько раз за зиму подменял Куаныш телят, оставляя мертвых на базе, а живых развозя по родственникам. А весной отдал пасти телят на все лето своему родственнику, который пас в горах овец. По осени, когда скот нагулял на разнотравье жирок и заметно подрос, забрал Куаныш свой табунок. Первым делом он подогнал телят к дому своей тещи. Крикнул вглубь двора:

– Ой-бой, Аклима, выходи!

Вышла Аклима навстречу своему зятю и, глядя на телят, не сразу поняла, в чем дело.

– Ты калым с меня спрашивала, Аклима? Так вот, я пришел отдать тебе твой калым. Бери, сколько считаешь нужным. Мне за мою Бакытку ничего не жалко.

Так Куаныш рассчитался со своей тещей, отдав ей калым.

Родила ему жена первенца, мальчишку. Не мог нарадоваться своему счастью молодой отец. Много детей родила Куанышу его любимая Бакыт.

И еще много доброго и хорошего вспоминал старик, сидя на песчаном берегу, на самом краю удавшейся жизни.

## БРАТ БОРЬКА. ГОРСТЬ. РАСПЯТИЕ

Из нашей многочисленной отцовой родни дядя Гриша, тетя Галя и сын тети Нади Валера уехали в Алма-Ату, где прочно обосновались и пустили свои корни. Там же с детства жила и самая старшая их сестра – Тамара, что воспитывалась у бездетной сестры моей бабушки. Все остальные остались после затопления на родном берегу, в Ново-Тимофеевке. Кроме нас с Вовкой, продолжателей нашей фамилии в деревне было еще восемь человек, двоюродных братьев и сестер. Еще – трое Бутриных, приходившихся нам троюродными. И столько же Сошневых, с которыми мы тоже поддерживали родственные отношения. Из маминой родни в деревне жил ее брат – дядя Петя Постоногов с женой тетей Ниной и сыном Славой. Итого набиралось родни целый воз. Нас было много, что песка в моей детской горсти. Об этом я всегда знал.

Я учился в первом классе, когда мой старший брат Валера пришел из армии. Служил он в Германии. Я помню его высоким, красивым, черноволосым пар-

нем. Вороной чуб у него зачесан набок. Весь, как струнка, подтянут, стройный, улыбчивый. Держитесь, девчонки! В добрые советские времена служба в армии считалась для каждого мужчины святой обязанностью. Что это за мужчина, если он не был в армии! Возвращение солдата из армии домой было целым событием, все село только и говорило о демобилизованном солдате. По случаю прихода брата из армии, вся наша родня несколько дней отмечала этот семейный праздник. Сначала собирались у тети Нади. И еще раз – в нашем доме, на краю села. Нам, младшим братьям и сестрам, от Валеры достались особые гостинцы, привезенные из Германии, каких мы отродясь не видели – жевательные резинки, кому целиком, а кому одна на двоих. Вкусноты необыкновенной! В нашем деревенском мире ее и сравнить не с чем было. Все ребятишки ходили и жевали, радуясь своему маленькому счастью, а много ли в детстве для него нужно! Удивлялись тому, что «жвачка» хорошо тянется и почти не рвется. Мы с Вовкой растягивали ее от стены до стены. Здорово! Вот так чудо! Ай да невидаль! Впрочем, нажевавшись заморского чуда, мы утихомирились и так же быстро о нем забыли. Будто лопнул мыльный пузырь, был, и нет его, осталось одно радужное воспоминание. На празднике в честь Валериного приезда был и мой любимый дядя Петя Постоногов, который отслужил несколько лет назад в Венгрии. Его возвращение из армии я совершенно не помню, потому что мне было тогда всего три года. Теперь же он ходил как старый бывалый солдат, давал наставления на гражданскую жизнь свежеиспеченному «дембелю».

Моя тетя, Вера Григорьевна, так же, как и ее сестра Надежда, дважды была замужем. Первый муж был баянист, казачьего роду-племени Халиных, родом откуда-то из Московки. Веселый был человек, жизнерадостный. Да вот мать его, говорят, была против снохи, моей тетушки. От этого брака родилась моя двоюродная сестра Любаша. Второй муж тети Веры, Захаров дядя Женя, тоже был из казаков, и оставил о себе крепкую память – сына Женьку. Дядя Женя умер от сердечного приступа, едва дожив до 45 лет. По поводу рождения моего двоюродного брата Женьки сохранилось небольшое семейное предание. Тетя Вера была уже на сносях. И приснился ей сон, будто у нее случились роды, а родила она чертика. Наутро пришла она к матери да и рассказала ей свой сон. Моя бабушка разгадала его по-своему: «Значит, родишь ты, Верка, себе чертика и будешь с ним всю свою жизнь мучиться». Вещий был сон.

У старшего брата отца, дяди Саши, которого все в родне от мала до велика звали Лёлькой, в семье было четверо детей. Жил он, как божья птица, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне. И его семейство выживало, как могло. Старый моряк, отслуживший пять с половиной лет на флоте, он повидал не один океан и множество морей. Для симпатичного крепкого морячка, вернувшегося домой, женщины были легкой добычей и слабостью его веселой натуры. Он привез из Усть-Каменогорска жену, чернявую, как цыганка, народил с ней детей. Тетя Нина была нашей «кровной» землячкой – в Чистый Яр тянулись ее корни. Дядя Саша, добряк, выпивоха, шутник, совершенно безалаберно относился к семейным обязанностям, пустив на самотек воспитание детей. Во что они оденутся, что они поедят? Чем Бог пошлет! Росли они, как ветер в поле, с детства привыкнув к тому, что никто их сильно не пожалеет и никто не позаботится о куске хлеба для них. Еще до моего рождения утонул самый старший – Толик. Он спасал Сашку, своего брата. Было это на том же затоне-водопаде, где и я чуть не утонул.

если бы не мой брат Вовка. Рано у дяди Саши умерла жена. Прощаясь, она могла положитьсь только на большущую нашу родню, но никак, ни на Лёлю, который сроду ума не мог дать своей горемычной семье. А было к моменту ее смерти старшему Сашке лет семь, Боре года четыре, а Татьяне – два годика. Тетя Люба Скударнова, вторая Лёлина жена, в девичестве – Хлыновская, заменила им мать, как могла, скрашивала осиротевшим детям их нелегкое существование.

С братом Борькой, сыном дяди Саши, нас с Вовкой связывало не только родство, но и крепкая дружба. Вот уж кто последнюю рубашку с себя снимет и отдаст! Небольшого роста, черный, как цыганенок, он один походил на свою мать. От матери досталась ему крепкая бунтарская кровь. Вся его родня по матери побывала в тюрьме. Не минула и Борьки сия чаша. Привыкший с детства кулаками отстаивать свое право на существование, Боря в уличных драках закалил свой дух. Многие рослые мальчишки «обожглись» на нем. Поначалу они всерьез не воспринимали мелкорослого и щуплого Бориску. Однако, он заставил их уважать себя своей безбоязненностью и крепким бойцовским духом. Не страшился двоюродный брат и толпы, в которую не раз собирались подростки, которые не могли его одолеть в одиночку. Изваляют его в песке, начнут уходить, а он поднимется и вслед им: «А вы куда? Я еще с вами не договорил!» И продолжается драка. Изватлают его до крови, а он снова поднимается, как Ванька-встанька. Побить его можно было, а вот победить нельзя. Легче из камня воду выдавить, чем из Бори вышибить слезу. Никто за него никогда не заступался, потому он надеялся всегда только на самого себя.

Я учился в первом классе, когда стал свидетелем такой вот массовой драки. Вернее, драки одного против целой толпы. Подходя к школе, я увидел, как от маленького корпуса школы к двухэтажному убегает подросток, а за ним куча ребятшек вдогонку. Боец-одиночка пытается открыть двери большой школы, но ее изнутри кто-то крепко держит. Толпа подбегает и окружает свою жертву. Одиноким бойцом оказывается мой брат Боря. Я младше их всех, и мне становится страшно от одного вида этой огромной бегущей ватаги. И вот брат поворачивается лицом к толпе, вытаскивает из внутреннего кармана велосипедную цепь, и дерзко бросается на напиравших подростков.

Так вот и рос мой двоюродный брат Борька.

Я рос совсем по-другому. И дрался лишь в крайних случаях. У меня была крепкая семья, которую в селе все уважали, а с моей мамой, из-за ее независимости и напористости, многие боялись связываться. К тому же, у меня были старшие братья, которые всегда за меня заступались. Володя и Боря. Мы могли повздорить между собой, но никогда не дрались. Соблюдали старшинство, субординацию. Вовка, Борёк и я. Комовы. Кровные братья. Мы вместе играли в индейцев и в «войнушку». Вовка сам делал деревянные пистолеты, и мы носились по своему маленькому государству на окраине села. Борю всегда тянуло к нашему дому, ему тоже хотелось иметь нормальную семью, трезвых родителей. Иногда по нескольку дней или недель он жил у нас. Мы спали с ним на одной кровати, и нам никогда не было тесно и было всегда весело. Ему нравилось, что наша мама не забывает похвалить и построжить и над ним, а это уже говорило о том, что он член нашей семьи. Она накладывала ему полную тарелку еды, зная, что дома он не всегда сможет сытно поесть. А он вычищал тарелку куском хлеба, как это делают люди, которым пришлось голодать.

Но вот, протрезвившись, приходил дядя Саша, забирал сына домой, иногда с руганью. Потом проходило какое-то время, и Боря снова возвращался к нам.

Нас было три брата, как в доброй русской сказке. Всмотрев в каком-то фильме, что друзья должны давать клятву в верности друг другу, мы решили таким образом закрепить наше кровное родство еще и крепкой дружбой. Пошли к ближайшему бархану и сели друг возле друга. Верховодил этим действием старший брат Вовка. Он же придумал текст необыкновенной клятвы. В ней говорилось: «Мы, три брата три друга, три индейца, три мушкетера и три воина клянемся никогда не предавать друг друга и не оставлять в беде. Всю свою жизнь дорожить этой дружбой. А тот, кто предаст данное им слово, считается предателем». Мы с серьезными лицами повторяли за старшим братом слова клятвы. А чтобы закрепить клятву, нужно было съесть горсть родной земли. Набрали полные горсти песка и стали съедать. Сухомятку. Так мы привязались клятвой к пожизненной дружбе.

Однажды зимой мы пошли на рыбалку за двухэтажки. На троих было два кармака. Клева не было, и все рыбаки разошлись по домам. Мы опустили блесны в свободные лунки. На закате стало подмораживать, и мы, чтобы не замерзнуть, стали плясать и горланить песни. И тут начался сумасшедший клев, не успевали вытаскивать рыбу. Братья решили, что это мы своими песнями привлекли ее, и не останавливали веселья. За каких-то полчаса мы поймали мешок окуней. С трудом дотащили мы его до двухэтажек, угостили тетю Надю, взяли у родни санки и по ночной дороге побрели вдвоем с Вовкой к себе на окраину села.

В школе первые три класса я был отличником. Старший брат Володя учился всегда хорошо, особенно был силен в математике, имел красивый почерк и врожденную грамотность, писал сочинения на «пятерки». Прекрасно рисовал, юношей выучился играть на гитаре. Однажды сочинил стихотворение, своего рода «шедевр»:

Говорит стена стене:

– Приходи сейчас ко мне,

У меня-то есть конфеты,

У тебя-то их и нету.

А я написал первое стихотворение во втором классе:

Березка белая стоит

И в окошечко глядит.

С красивыми сережками,

Золотыми брошками.

Вовка никак не отреагировал на мое творчество. Сам факт моего последующего обращения к поэзии воспринимался им критически: «Писатели пишут годами. А ты за один вечер кучу стихов нацарапал. Тоже мне писатель выискался». В семье мой поэтический порыв тоже не был понят. Зато мой первый учитель, Лидия Григорьевна Шарабарина отнеслась к нему очень серьезно. Она похвалила меня и попросила принести мою фотографию. Вскоре она поместила ее вместе со стихотворением в «Классный уголок». Сразу же был объявлен конкурс собственных стихотворений. И понесли ворохами «свои» стихи мои одноклассники. Мой друг Васька Сидельников принес «Зайку бросила хозяйка...» и был обвинен в плагиате, как и последующие охотники, мечтающие прославиться за счет чужих стихов. Так я и остался единственным поэтом в своем классе. Было бы несправедливо не упомянуть, что брат Борька, как мог, поддерживал мое незамысловатое творчество.

Он вылавливал в коридоре жертву, чуть ли не волоком затаскивал в наш класс, тыкал пальцем в «Классный уголок» и назидательно, не без гордости, говорил: «Смотри сюда. Видишь, это мой братишка... Стихи пишет. Учись!» Сколько он народу перетаскал к этому уголку! Благодаря ему, я стал известен в широких школьных кругах.

После восьмого класса Боря поехал учиться в район, в Самарское СПТУ-151, которое его учащиеся называли между собой «шарагой». Тут-то лидерский талант моего двоюродного брата и раскрылся «во всей своей красе». Там его прозвали «Ларой». Это слово многими произносилось с содроганием. Настало время грандиозных драк с «местными» и учащимися училища из других деревень района. Лет на десять закрепилось лидерство нашей деревни в районе, где даже многочисленные самарчане считались с моими земляками. К началу учебы в СПТУ мой брат уже заболел ревматизмом. Так отразилась на здоровье его неблагоприятное детство и нехватка хорошей обуви, вместо которой он ходил в резиновых сапогах весной, осенью и зимой. В училище Борю взяли в оркестр, где, по его словам, дали самую большую трубу, названия которой он не запомнил. С мастером производственного обучения у Бориса, мягко говоря, не сложились отношения. Он доставлял педагогу кучу проблем своим поведением, постоянно ввязываясь во все новые драки и затевая разные хулиганские выходки. Тем не менее, пытаюсь исправить сложного подростка и подлечить его, администрация училища дважды бесплатно направляла его на курорты Черного моря, чего он, увы, по достоинству не оценил. Когда я заканчивал десятый класс, Боря уже сидел в тюрьме, как и его старший брат Санька.

В восьмидесятые годы всех деревенских выпускников школ активно призывали «оставаться на селе». Для этой цели и наш класс вывезли на экскурсию в Самарку, в единственное сельское профтехучилище нашего района. Весь наш класс водили по хорошо оборудованным кабинетам. Преподаватели не забывали хвалить наших ново-timoфеевских ребят. Но при этом вспоминали моего брата, вечного нарушителя дисциплины. Каждый раз при произнесении моей, «звучавшей» благодаря Боре фамилии, на меня, сидящего в конце класса, оглядывались все одноклассники. А в конце экскурсии нас повели в гараж для показа сельхозмашин. Я обошел вокруг комбайна, попинал баллон, будто бы разбираясь в технике. Ко мне тут же подошел невысокий русоволосый мужчина. Это был тот самый мастер, что учил моего брата. Оказывается, он со стороны к нам присматривался и выбирал будущих учеников. Увидев мой интерес к технике, он заговорил со мной и достал блокнот, чтобы внести в список мою фамилию. Но стоило мне ее произнести, как мастер тут же исчез из поля моего зрения, на ходу захлопнув блокнотик. Тут меня уже явно не ждали, да и сам я мечтал уехать куда-нибудь подальше, на поиски большого настоящего счастья.

Ни у одного из дяди Сашиных детей, ни у Сашки, ни у Бориса, ни у Татьяны, не сложилась судьба. Сестра моя с горем пополам вырастила двух сыновей. Старший Володя, порядочный, работающий парень угорел в доме, прожив отроду девятнадцать лет. Братья мои не дали потомства и продолжения рода. Отсидев по тюрьмам больше четверти века на двоих, они осели в Лениногорске (ныне Риддер), где ранее поселилась наша двоюродная сестра Люба. Сашку еще в 1998 году убили малолетки одного из городских районов. А Борис подался на исходе пятого десятка в родное село.

Крепко была жизнь моего брата Боря, не щадила. Тяжелый ему крест выпал. Много духу надо было иметь, чтобы не сломаться, пережить перестройку и антинародную «демократию». Как напоминание о тюремном прошлом, у брата на теле осталось несколько наколок. Самая большая во всю спину – Распятие. Тюремный художник без знания правил русской иконописи довольно грамотно изобразил во всю согнутую Борину спину Христа, распятого на Кресте. О той жизни брат почти ничего не рассказывал. Только говорил, что много дубинок обрушивалось на его спину, на это распятие: «Бог терпел и нам велел!»

Он так и не создал семьи, не родил деток. Рано постарел лицом. Но до конца оставался большим юмористом и весельчаком. Однажды ему приснился сон, в котором женщина ему сказала, что проживет он ровно пятьдесят лет, даже большие цифры были нарисованы – 50. Я его попытался переубедить, но он упорно твердил свое, будто сон был пророческий. Так и случилось. До своего пятьдесят первого года Боря не дожил полтора месяца. В 2014 году не стало на свете моего брата, того, с кем мы играли в «войнушку» и «индейцев» и клялись горстью песка в верности друг другу.

## АБДУЛДА

В стороне от дороги, метрах в двухстах от нашего дома, между барханами и базой, на небольшой возвышенности, особняком стояло крепкое одинокое здание. Оно одно белело на рыжем фоне песка. Это бетонное строение напоминало собой военный дот. Не было у этого здания дверей, а только один пустой проем. Лишь одинокое небольшое окно без стекол располагалось выше, чем в обычных домах. Полы были забетонированы со скосом и стеклом. Не для проживания предназначалось это здание. Это была совхозная бойня. Облюбовали это помещение суетливые ласточки. Облепили все карнизы своими гнездами. Что их туда привлекло? В этом здании чуть ли не каждый день резали коров. Хозяиничал здесь среднего роста старик с темным обветренным лицом в черном халате. Звали его Абдулда. Если он там, значит, скоро приведут сюда какую-нибудь живность на убой.

Задолго до Абдулды, здание бойни облепляли вездесущие вороны, надрывно крича во все горло. Сороки, чую кровь, стрекотали по всей округе, повсюду разнося весть о предстоящем событии. Как они всё узнавали раньше всех?

Всякий раз, когда появлялся у бойни Абдулда, вороны и сороки удалялись от него на почтительное расстояние, и только суетливые ласточки с писком мелькали над его головой, приветствуя старика.

Бойня тоже негласно входила в наше маленькое государство. В ней не играли, не прятались, ее обходили стороной. Но, завидев чужих мальчишек, пришедших из села зорить гнезда ласточек, мы со всех ног неслись к ним. Я бежал вслед за братьями Вовкой и Борей, едва за ними поспевая. Для Володи заступиться за неповинных птиц было делом принципа, а Боре делом принципа было показать, кто здесь хозяин. Мне тоже было жаль птиц, но я был еще мал, мне самому могли накандылять старшие ребяташки. Так три индейца, принявших присягу в верности и дружбе до конца дней, защищали свои владения от посягательств чужаков.

Впервые перешагнув порог бойни, я почувствовал внутри себя знобящий страх, которому не мог дать объяснения. Давили стены и потолок, холодом несло от бетонного пола, на который страшно было наступить. Словно я переступил порог запретного, узнав то, чего детской душе знать пока не нужно. Я не вышагнул, а скорее, выпрыгнул обратно за порог в теплый, полынно-чабрецовый солнечный мир. Детское любопытство не позволило мне сразу уйти от этого места. Я зашел за бойню и увидел огромную яму, наполовину наполненную отходами забоя. Все кишело мухами, разносился несносный запах. Я бежал от этого места, испытывав жуткое чувство страха и гадливости. С тех пор я стал обходить это здание стороной. Имея живое образное мышление, после посещения бойни я некоторое время вообще не мог есть мяса.

Старика Абдулду я сначала побаивался. Но потом к нему привык. Он часто приходил к нам в гости. Любил выпить. Родители угощали его крепким самогоном, от которого он никогда не отказывался. Мы подружились со стариком. Тяжелая оказалась у него судьба. В тридцатые годы, в голод, вымерло все его многочисленное семейство, а он один остался жить. Абдулда точно не знал, сколько ему лет, не то семьдесят, не то восемьдесят. Говорил, что живет он за всех своих братьев и сестер, что умерли в тот голод. По-русски он говорил плохо, с сильным акцентом. Моя мама, уже прожив в России больше пятнадцати лет, до сих пор помнит всех хороших людей, встречавшихся ей в жизни. Вспоминая друга семьи Абдулду, она и сейчас великолепно передает его живую речь:

– Николаенка, Жангызтобу, Георгипка, Кохпекты... Все шел беляк, кругом шел беляк. Наш семья тогда китайца жил. Он опиюн таскал, деньга много таскал. Китайца в трубку кусочек опиюн бросал и курил. И мне кусочек дал. Я жрал тот кусочек. Четыре сутка совсем память не был. Мой отец ножик точил, сказал, что если не встанет сын, отец китайца зарежет. Я услышал тот разговор, вставал, голова на плечах не держится, не стоит, падает туда-сюда. Китаец увидел это, радовался, ладоши хлопал. Больше мне опиюн не давал. Деньги давал, много деньги. Белый пришел, куда этот китаец убежал? Всех белый разогнал!

Мама припоминает того старика из своей молодости:

– Присказка у Абдулды была «Ой, ентересно!» Начнешь с ним говорить, а Абдулда только и шепчет свое: «Ой, ентересно!» С Алексеем разговорится, спрашивает у него: «Лёнка, ты хочешь долго жить?» «Хочу». Абдулда советует: «Тогда ешь мясо, жри водка – долго жить будешь. Я много водка брал, жрал, ничего не делается!»

Вспомнила мама еще одну историю про Абдулду:

– Сидим как-то, обедаем. Абдулда сидит в своем черном халате, а рукава длинные, мешаются, он постоянно отдергивает их. Говорю ему: «Снимай, Абдулда, халат». Обрезала ему рукава, подрубила, остатки рукавов отдала Абдулде, говорю: «Неси домой». Унес. А жена-молодуха приревновала: «Кым кеседа?» (Кто рукава отрезал?) Абдулда отвечает: «Маган екеу катын бар!» (У меня две жены есть!) Жена: «Неге онда сен мены осында акелдин?» (Зачем тогда ты меня сюда привез?) И кинулась на него. Он дал сдачи. А жена у него была здоровая, толстая. Пришла в больницу как раз в мою смену, плачет: «Маган Абдулда коресни корсетти» (Меня Абдулда побил). Я спрашиваю: «Урады Абдулда?» (Абдулда побил?) Та как завопит: «Ой, ахмак, Абдулда!» (Ой, дурак, Абдулда!) Тут я и говорю ей: «Абдулданы уялтпа, кет мыны жерден. Мен онын женин кестим». (Иди отсюда и не позорь Абдулду! Это я ему рукава обрезала). Та сразу повеселела, ушла.

Припомнилось маме еще про то, как однажды, увидев, что она приболела, Абдулда пригласил родителей к себе. Это было как раз то время, когда я ушел служить в армию, и мама не находила себе места в опустевшем доме. Он приготовил полный казан мяса, наварил сурпы и позвал моих родителей в гости. Долго разговаривали друзья за угощением, после этой вечеринки маме стало легче.

И еще мне припомнилось, как однажды мы ловили для старика Абдулды котенка. Это было уже в другом доме, когда мы переехали на улицу Ленина. Старик пришел к нам как раз к обеду. Выпили, пообедали. Пошли ловить котенка, а то у Абдулды дома развелись мыши, которых он называл «тушканами». А котенок наш залез в трубу, что лежала в ограде, и никак не хотел вылезать. Решили постучать по трубе железкой. С двух сторон поджидаем одичавшего, росшего в саду котенка. Постучали. Дикошарый котенок выскочил прямо к старику да со всего маха вцепился в его загорелую руку.

– Ой-бой, кет яры, – запричитал старик, крепко прижимая к себе котенка. По руке бежит кровь из расцарапанной ранки, – Жаксы (хороший) охотник будет, вон, как руку мою поймал!

## С ЛЕГКИМ ПАРОМ, СИБИРЯКИ! МОЛОЧНЫЙ ПОРОСЕНОК

По обеим линиям мои предки были большими парильщиками. Начиная с прадеда моего Моисея, который и в девяносто лет мог дать фору внукам, которые тоже были большими любителями попариться, и, заканчивая моей мамой и дядей Петей с Постоноговской стороны. Если говорить о Комовской ветке, то и здесь про предков говорят коротко: «Шибко парились!» Но самым большим парильщиком из родни был Бутрин дядя Миша. Все наши корни тянутся в Сибирь. Этим, видимо, и объясняется особое отношение к бане как к месту, где идет закалка духа и тела.

На нашем, золотобарханном краю села, отец часто устраивал банные баталии, кто сильнее парится. В баньку к нам чаще всех приезжали Столяровы, Устиновы и Бутрины. В субботу отец крепко протапливал баню и приглашал родню и единственного соседа. Как-то пытались даже вентилятор ставить, чтобы жар нагоняло без веника. Но это новшество у нас не прижилось. Лучше веника еще ничего не придумали. Веники мы заготавливали всей семьей после Троицы, когда уже вызревал лист. Отец сам запаривал веник кипятком. Главное в этом деле – не передержать его, чтобы листья освежились, а не раскисли, не потемнели до густо-зеленого цвета. Немного подержав веник на пару над каменкой для закрепления листа, можно начинать париться. Парились в те банные субботы по очереди. Отец первый забирается на парильную полочку. Сначала идет легкий разогрев на полковничка. Тело привыкает к жару, после чего отец бросает еще ковш кипятка на каменку, пар с шипением поднимается от камней, наполняя собой все пространство, распахнув дверь в предбанник, которую тут же закрывают мужики, дожидаящиеся своей очереди в парилку. Кто-нибудь сидит на нижней полочке, приподнимаясь в жаркое облако лишь для того, чтобы зафиксировать температуру на градуснике, висящем на стене. Напарившись, отец идет в предбанник, а затем на улицу. Там он сидит на корточках, глядит на барханы, дышит



воздухом песчаной земли, где, перебивая редкие травы, всепобеждающе пахнет полынь. Вскоре к отцу присоединяется дядя Коля Ногубот, он побил рекорд отца на пять градусов. Очередь париться за Бутриным дядей Мишей. Он парится без всяких прогревов, сразу целый ковш выливает на каменку, отчего обе двери – из парилки и из предбанника открываются нараспашку, только успевай прикрывать. Веник расплясался по его крепкому телу. Ухает на каменку очередной ковш кипятка. Кто бы сомневался, что дядя Миша Бутрин парится крепче всех! Рекорд побит. Пару часов идет соревнование парильщиков. Краснющие, с полотенцами на плечах, мужчины выходят из бани.

– С легким паром! – встречают их женщины, накрывающие стол во дворе, и ребятишки, которые уже успели после бани выпачкаться, играя в футбол.

Все чистые, вымытые. Все радостные. Посреди двора стоит накрытый стол. Все вместе усаживаются за него дружной веселой компанией: мои родители, друзья, родня, соседи. Произносят тосты, запевают. Почти всегда в нашей деревне начинают с «Деревеньки» Владимира Романовича Гундарева. Еще до первой песни ребятня накормлена, выпровожена из-за стола и занята своими делами. А родители только еще распеваются. Слегка приподняв подбородок, чтобы выше к небу поднималась песня, крепким красивым голосом мама выводит новую песню:

Полюбил Андреяшка Парашку.

Лапти, да лапти, да лапти мои,

Лапти, да лапти, да лапти мои.

Лапти мои, лапти липовые,

Вы не бойтесь, ходитё,

Тяжка новые сплетёт!

Все поют, пляшут, радуются. Счастье какое! В перерывах между песнями мама успевает загнать корову и подоить ее. Долго продолжается застолье. Сколько разных песен спето – советских, казачьих, украинских... Доброе время, спокойное, радостное!

Но обычно людям кажется, что счастье – это не то, что есть у тебя в данный момент, что оно намного лучше и где-то далеко. И никто не знает, как оно выглядит, пока однажды не потеряет его. И тогда человек вспоминает о нем, и перед ним четко высвечивается портрет любимого человека или простой незамысловатый пейзаж, напоминающий о самом чистом, что довелось ему пережить. Для меня – это дом с окнами на Бухтарму, крылечко которого выходило в сторону рассвета, что золотил гребни Алтая.

Весною 1975 года наша семья решила на переезд в Ростовскую область. Вместе с нами поехала семья маминой младшей сестры тети Тамары Васильевой из Мариногорки. Почему мы именно на Дон решили отправиться? По одной причине. Из Ново-Тимофеевки туда уехало несколько семей. И никто честно в письмах не мог признаться, что наше село лучше, зазывали и расписывали золотыми красками чужой поселок. Там, мол, садов множество – яблоки, абрикосы, черешня... В речках водятся огромные рыбы под названием сомы, которых сроду не водилось в Бухтарме. Сом, что за рыба такая?

Идея уехать принадлежала матери.

И вот наступил день отъезда. Мы сидели на чемоданах на улице, а отец остался один в пустом доме. Отец опустил лицо в огромные свои руки и рыдал. Он

сидел, ссутулившись, спиной к двери, вдруг ощутив всю невыносимую тяжесть совершенной ошибки. Таким я застал его, когда вбежал в дом, чтобы сообщить, что вдали показался автобус.

Мы ехали на автобусах, летели на самолетах. Поездка в автобусах была для меня жутким испытанием, не говоря уже о самолетах, где мне только успевали подавать пустые кулечки. Меня страшно тошнило в транспорте. А из самолета меня чуть ли не на руках выносили. В конце концов эта бесконечная дорога закончилась, и мы оказались на месте, в поселке Винсовхоз Семикаракорского района Ростовской области. Вместе с Васильевыми нас поселили в благоустроенном двухэтажном доме на одной площадке, на первом этаже. Началась наша жизнь в чужом уголке. Мама моя устроилась в детсад нянечкой. А мой отец вместе с дядей Лешей Васильевым – на винный завод. Николай, мой двоюродный брат, был ровесником Володе. А Лариса – ровесницей мне. Так мы парами и бегали, обследуя новые места.

Самое первое и самое запоминающееся впечатление – это огромное количество сирени по всему огромному поселку. Кругом сирень – белая, фиолетовая, розовая, с различными оттенками. Кругом разлит ее устойчивый запах. Второе, что поразило нас – это сохранившиеся до весны яблоки, которые хранились нашими соседями в ящиках, в подвале нашего двухэтажного дома. Соседи были неплохими. Мальчишки угощали нас вкусными яблоками разных сортов.

Шла последняя четверть. Вовка с Николаем учились в одном классе, всюду держались парой и в обиду себя не давали. У меня в новом классе дело обстояло хуже. Первый драчун нашего класса, мой тезка, решил сразу выяснить со мной отношения. На перемене мы схватились с ним прямо возле доски на глазах у всего класса. Долго барахтались, и в конце концов он положил меня на лопатки. Тут же откуда-то появились братья-близнецы Баранкины и меня, совершенно не отдохнувшего после первой схватки, стали валить на пол. Если первый меня выиграл самостоятельно, то эти двое одолели меня не в честном бою. Такого я им простить не мог. Ими занялись мои братья. Баранкиным приходилось улепетывать из школы окольными путями. Мы с Вовкой садились на велосипед и разыскивали их по всему поселку. А те, зная каждую дырку в заборе, каждую щель в родных местах, ускользали от нас из-под самого носа. Все-таки мы их выловили, и накандылял им мой старший брат. Больше у меня проблем с одноклассниками не было.

Той весной мы взяли участок на поле и посадили картошку. Во время посадки обратили внимание на сильный костер в чистом поле. В большой яме сжигали поросят, была эпидемия чумы у животных. Жуткое впечатление произвело на нас это событие.

Все лето мы пропалывали картошку и собирали с нее колорадского жука, с которым столкнулись впервые, ведь в Казахстане мы о нем даже не слышали. У нас, на Рудном Алтае, он появился через двадцать лет, только в девяностые годы. Новым открытием была для нас медведка, вредитель, поедающий все, что растет на полях и огородах. В наш подъезд каждодневно заползали ужи с желтой полоской у головы, которых мы поначалу боялись, а потом к ним привыкли. Неугомонный хор лягушек устраивал ночные концерты. Пару раз в дом заползали крупные пушистые тарантулы, которых я всегда боялся. Мама разрубала их лопатой и выбрасывала на улицу.

Одним большим преимуществом по сравнению с нашей родной местностью были огромные посадки фруктовых деревьев. Возле дома росли абрикосы. Рядом с поселком, недалеко от нашего дома, начинались заброшенные сады. Там росла вишня, черешня, яблони, груши. Огромные деревья с обильными плодами, которые мог собирать всякий, кому не лень. В выходные мы ходили всей семьей собирать вишню. Как-то раз отец забрался на дерево, ветка под ним обломилась, и он с треском полетел вниз. Вишня рассыпалась, а отец, бросив бидон, пошел к дому. Больше он в сады не ходил. Мы же, ребята, излазили всю округу и все сады, включая и незаброшенные. Возле одного из охраняемых садов находился небольшой пруд, куда мы летом ходили купаться. В этом водоеме была жутко грязная вода, светло-коричневого цвета от глинистого побережья. Войдешь по колено в воду, а ног своих не видишь, одна муть. Это не шло ни в какое сравнение с Бухтармой, где на глубине в несколько метров видно каждую песчинку. А ходили мы на пруд из-за того, чтобы попробовать яблок из охраняемого сада. Попробовали. Ничего особенного, в заброшенных садах встречались и лучше.

Чуть ли не каждый день мы ездили на велосипедах на рыбалку на речку Сал. Небольшая, метров в двадцать-тридцать, река. Здорово клевала рыба, не успевали червей менять. Только все мелочь. Редко размером с ладонь вытащишь рыбешку. Все больше ловились крупные мальки, каких мы на Бухтарме ловили марлей, чтобы потом на этого живца ловить крупного хищника – окуня, судака, щуку, которых на реке Сал я не видел. Местные мужики постоянно ныряли за раками, шарили руками по илистому дну, а клешнястую добычу складывали в трусы. На берегу они вытряхивали раков на траву. Те шевелили усами, пережимали клешнями палочки, протянутые нами для эксперимента, пятились задом к воде. По берегам этой реки водилось множество ондатр. Однажды я решил подкараулить ондатру у побережья, и когда она подплыла к нашему берегу, вспугнул ее камнем. Тут же откликнулись мужики с того берега, грозя мне расправой за то, что я пугаю рыбу.

Всю многочисленную мелочовку, выловленную в реке Сал, отец просаливал по своей технологии, а затем вывешивал на проволоке на балконе нашего первого этажа. Рыбешка усушивалась и становилась еще меньше прежнего. Отец поглядывал на нее пустыми глазами. Как было ему, заядлому рыбаку, смотреть на такой улов? На Бухтарме отец привозил домой сазанов размером с трехмесячного поросенка! И тут нате вам – приходится мальков сушить. К тому же гольным болотом несет от этой рыбы. Это было одно из сильнейших разочарований, которые стали помаленьку набираться в семейную копилку. А сома мы так и не увидели за недолгое время нашего проживания в Винсовхозе.

Человеку, выросшему возле гор, тяжело привыкать к равнине. Мы быстро соскучились по родным Алтайским горам. Отцу снились разнотравные луга в горах – в логах Соколово и Четверяково, где он косил сено. Снилось, как на мотоцикле, груженном сеном, он проезжает Каменные Ворота, выезжает на Тумбу, с которой открывается такая красота, о которой жители равнины и не слышали, да и, может, не поймут, ведь у них свое представление о красоте. С Тумбы спускается песчаная дорога прямо к родному селу, которое Бухтарма огибает подковой. Снилось отцу его прошлое счастье.

Мама моя тоже скоро поняла, что переезд был ошибкой. Здесь не было лишнего баяниста дяди Коли Панкеева, с кем можно было попеть от души, не было

старика Абдулды в своем вечном черном халате, не было всего того родного и близкого, что греет душу. Вроде бы кругом твой народ, а сердцу не весело и душе не радостно. Здесь, где когда-то жили лихие донские казаки, уже не слышно было казачьих песен. Исчезло стержневое, народное – обрядность, коллективное гуляние, гостеприимство... Не в обиду дончакам я это говорю, я хочу разобраться, ведь мы – один народ. Глазами ребенка я смотрю в прошлое, на свой народ и пытаюсь понять причину, определить болезнь. У нас, на Рудном Алтае, древний обряд колядок сохранился на моей памяти до начала 90-х годов. Наши поминальные столы включают в себя обязательную кутью, у православных старообрядцев – пшеничную, у Русской Православной Церкви – рисовую и пять-шесть обязательных блюд – каша, лапша, блины и т.д. И самое главное – народ лучше сохраняет свою идентичность, находясь в соприкосновении с другим народом. Разница культур не дает забыть о том, что ты – иной. Не лучше, не хуже, но ты – другой, со своим Божьим замыслом. Об этом я знал всегда, именно это сохранило мою русскость.

Еще в тот переезд на Дон мне, ребенку, бросалась в глаза огромная разница в уровне жизни нашего сельчанина, живущего на Алтае, и совхозника, живущего в Придонье. У нас никогда не было проблем с мясом и рыбой, хотя фруктов было гораздо меньше. А в Винсовхозе мама часто ломала голову над тем, что же нам приготовить, ведь мясо достать было сложно. Отец приходил на обед и перехватывал наскоро мало-мальскую еду. Я бежал на улицу и собирал под деревьями осыпавшиеся абрикосы. Заносил домой, и мы ели их с чаем. Такое, не слишком сытное существование долго нельзя было вынести, и мы вскоре засобирались домой.

В семидесятые годы гармошку стала вытеснять гитара. Вечерами по поселку бродили дворовые гитаристы и брэнчали на гитаре. Часто они заходили и к нам во двор. После одного из таких вечеров, наутро, мы обнаружили в сарае на мотоцикле обрезанные провода и снятые с него агрегаты. Этим делом серьезно занялся наш сосед, крупный румянощекий мужчина, который работал в милиции. Немного нужно было ума, чтобы понять, кто «почистил» наш сарай. Сосед в одиночку выловил нескольких гитаристов, назначив им встречу в нашем дворе. Вечером, когда пришла толпа с гитарой, он стал по одному заводить их за детскую деревянную горку, стоящую в нашем дворе. Оттуда доносились удары его крепкого кулака да вздохи и всхлипывания парней. Вскоре те вернули нам все сворованное. А сосед, наварив целый таз раков, пригласил нас на ужин возле той же самой горки. Впервые мы пробовали отварных раков. Отец был рад знакомству с соседом, но о раках у него осталось самое скверное впечатление: что за еда такая – целый таз съели, а не наелись!

Вспоминается мне из этого периода еще небольшой, но показательный момент. Сидя за столиком на балконе своего первого этажа, отец с дядей Лешей Васильевым выпивали вино, которого в Винсовхозе было несметное количество. Закусывали болотисто-пахнувшими вялеными рыбешками. Глядели во двор, где мужики из соседнего дома пытались заарканить молочного поросенка. Визг стоял несусветный. Поросенок, как скользкий лить, выскальзывал из их веревки. Просочившись между ног своего хозяина, пятачок бросался прытко носиться по двору. То он забирался под детскую горку, то врывался в подъезд. В конце концов наши мужчины не выдержали издевательства над бедным животным, и дядя Леша поинтересовался у ловивших:

– Соседи, а что вы хотите делать с этим поросенком?

– Зарезать! – был ответ.

– Так он же совсем маленький, молочный поросенок. Какой с него навар?

– Пока не зачумел резать нужно, а то и так напрасно кормим...

– А раз такое дело пошло, зачем столько шуму? Загоните его в сарайку, я щас выйду, помогу, – отозвался мой отец.

Дядя Леша происходил из крепкого казачьего рода Васильевых из села Казнаковки, стоящем на Иртышской линии. Колхоз этот в советскую пору назывался «Червонный казак». Большинство жителей этого села носило патронимические фамилии – Ивановы, Петровы, Васильевы... Корни Васильевых, по семейным преданиям, шли от уральских казаков. Говорили, что в юности дядя Леша частенько ходил в кулачные потасовки. Не любил дядя Леша всех тех, кто не зарабатывает хлеб собственными руками, особенно просиживающих штаны в креслах, создающих видимость работы. К дармоедам относил любого вида депутатов, считая их бездельниками, и всегда, глядя в телевизор, произносил любимую фразу: «Что вы все там повыздыхали!» Еще любил дядя Леша крепко пошутить. И в тот раз он заметил моему отцу по поводу бедного поросенка:

– С заморышем вшестером справиться не могут! Говорят, закормили его... Там мяса-то на один каурдак не хватит.

Отец переоделся, вытащил крепкий «свиной» тесак, хранящийся на такой случай, и отправился на помощь. В сараюшке он прикрыл за собой дверь, оставшись один на один с «заморышем». Поросенок успел напоследок испустить лишь пронзительный визг, как с ним было покончено. Полчаса хватало на то, чтобы осмолить и разобрать на куски молочного поросенка. Не помню, позвали на каурдак родителей или они сами отказались ввиду того, что там и хозяевам-то есть нечего, но пиршества по этому случаю никакого не было. У нас, в Ново-Тимофеевке, это событие всегда превращается в праздник, где до отвала наедаются и помощники, и хозяйва.

Помаленьку к нам стали привыкать и узнавать нас, выделяя среди других. Особенно, когда заканчивалась рабочая неделя и топилась совхозная баня. В парной равных нам не было. Стоило вылить на каменку пару ковшичков, как с верхней полочки сметало весь местный люд. Оставались только отец и дядя Леша, который тоже был заядлым парильщиком. Никто не решался заходить в парилку пока не напарятся «сибиряки». Так и прозвали нас «сибиряками», узнав, откуда мы в этот край приехали. Мы с Вовкой и Николаем гордо следовали вслед за своими отцами, которые верховодили в бане. Дивно было слышать, как местные мужики, не стесняясь нас, оповещали тех, кто до нашего прихода находился в парилке: «Сибиряки пришли»... Парилка тут же пустела.

В то лето мы своей дружной ребячьей ватагой частенько посещали совхозные поля, набивая полные карманы горохом, которого здесь произрастало великое множество. А вечерами усаживались в нашей детской комнате и смотрели диафильмы: «Маленький Мук», «Гулливер», «Белый пудель»... Лариса, двоюродная сестра, мечтающая стать балериной, прыгала по комнате, распевая «Шаланды полные кефали». Единственным ее зрителем, способным если не оценить, то хотя бы лицезреть все эти импровизированные представления, был я.

Старшие братья были заняты своими делами – перебирали велосипеды, делали удочки и прочее. Имея предрасположенность к технике, Николай любил конструировать. Эта тяга к изобретательству не покидает его всю жизнь. Он

мечтал сделать свой вертолет. Однажды он сконструировал небольшие аэросани, на которых рассекал по родной Мариногорке. Но это было уже после того, как мы вернулись из странствий. Аккуратный во всем, щепетильный, Николай своим трепетным отношением к технике походил на моего отца. Мне запомнился в Винсовхозе один замечательный день, когда мы решили запускать самолетики. Николай дольше нас собирал своего «истребителя», тщательно проглаживая ногтем сгибы обычного тетрадного листа, четко вымеряя симметрию крыльев и когда он пустил его в небо, тот, подхваченный ветром, поднялся выше нашего двухэтажного дома и несколько минут парил над нами, вызывая наше всеобщее восхищение.

Здесь же, в Винсовхозе, жила моя любимица из ново-тимофеевского детского сада – Наташа Грицаенко. Помню, с каким восхищением я шел к ним в гости, как ждал чего-то необыкновенного от этой встречи. Но встреча эта вышла неяркой и вспоминается мне теперь в каком-то приглушенном свете, наверное, слишком многого я от нее ждал. Мечты рухнули, чувство затихло. Нет, не в Наташе дело. Она была такой же красавицей, как и раньше, только чуть повзрослела. Наверное, я сильно скучал по родине, и Наташа лучше смотрелась на фоне Алтайских гор и бесконечного простора Бухтармы, в маленькой песочнице с песком нашего побережья, в своей темной шали: именно такой я и помню ее до сих пор. После ужина нас отправили «играть в другую комнату». Я стеснялся. Разговор не клеился, и если бы не младшая Наташина сестренка, то было бы совсем скучно. Не помню уже имени Наташиной младшей сестры, но она веселила нас как могла. Зачем-то достала бюстгальтер из маминого шкафа и примеряла его на свое платьице, хохоча на все лады. Этим она вогнала меня в краску, и Наташа повела меня в детскую комнату. Такой и была наша, как мне помнится, единственная встреча. Мои родители тоже почти не встречались с семьей Грицаенко после той встречи. Скорее всего, это другая обстановка влияла на отношения с земляками, родители там ощущали всегда, что они – «не дома». Тяжелое было время для нашей семьи, крепкое испытание на прочность.

«Не дома» – очень точные слова для того периода. «Сибиряки». Одним словом – чужие. Это непроходящее ощущение висело над нашими двумя семьями. Представляю, насколько было бы тяжелее, если бы переезд был совершен одной семьей. К нам относились хорошо, но мы сами ощущали себя «в гостях». Загостившись в далеком краю, где «водятся сомы», наши отцы стали прикладываться к вину, которого здесь «реки текли». На то он и Винсовхоз, что вина там не меряно! Утром, проходя на работу, мужики подходили к цистерне с вином и открывали кран. Вино бежало прямо на землю, его можно было пить прямо из этого крана. Уходя с работы, мужики набирали канистру с собой. На вечер им этого хватало. Назавтра повторялось то же самое. Вино было бесплатным: пей, не хочу! Скоро терпение женщины лопнуло и они сказали: «Хватит!» Уволились сами и уволили своих мужчин, которые, придя, как обычно, на работу, вдруг узнали, что они больше не работают в связи с увольнением «по собственному желанию». Быстро мы собрали вещи и подались ближе к дому. Прощай, Винсовхоз! Здравствуй, Казахстан! Так мы оказались в городе Рудном, под Кустанаем, где жил брат дяди Леши Васильева.

В этом небольшом, уютном городке мы жили в частном доме по улице Котовского 12. Родители хорошо зарабатывали. В школе мне снова пришлось от-

стаивать право на существование. Помню мальчишку по имени Вовка Мазуров, с которым мы крепко схватились за чубы прямо на крыльце перед школой. Толпа зевак подбивает моего соперника на бой, а за меня вступился только один случайный паренек-старшеклассник: «Дай ему, рыжий, дай ему!» Разняли нас, видя, что новичок напирает на их бойца. Вроде все основания у меня были для того, чтобы прыгать от радости, гордясь победой, а у меня слёзы на глазах. Обидно мне было, что без причины накинулись на меня мальчишки. Жаль, что братья мои учились в другую смену, они-то меня поддержали бы.

Классный руководитель, грубоватая женщина с небольшим «ястребиным» носом, сразу почему-то невзлюбила меня. Она упорно называла меня Камовым. Мне приходилось ее поправлять. Она всему классу говорила, что есть такой писатель – Камов, а вот фамилия Комов ей почему-то плохо запоминается. Однажды на уроке физкультуры я упал и сильно ободрал колено, пока я отсиживался на лавочке, приходя в себя, закрыли и спортзал, и школу вместе со мной. Конечно, меня потеряли дома! Отыскала меня моя мама и дала добрую взбучку всем, вплоть до директора школы.

На одном из уроков нашего классного руководителя одному из учеников стало плохо, поднялась температура. Я сказал, что у меня мама работает в больнице и у нас дома есть градусник. Учительница послала меня домой, и я с непокрытой головой, в одной рубашонке, по холоду помчался домой за градусником. Как я сам не простыл в тот раз! Самое главное, что учительница не оценила моего поступка. До меня ей по-прежнему не было никакого дела. Так я и проучился целую четверть чужаком, «Камовым». К концу первой четверти второго класса я из отличников сразу перепрыгнул в троечники.

В небольшом, но уютном городе Рудном мне было явно не по климату. Помню перевязанные колени, резкий запах мази Вишневского, и я вечно прихрамываю то на одну ногу, то на другую.

Когда мы уезжали из Кустаная, задувала страшная тяжелая метель. Мы возвращались домой, на родину, к желтому берегу Бухтармы.

## РОДНОЙ БЕРЕГ. ДОМ НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА

Мы возвращались домой. Прямая дорога от Усть-Каменогорска до Самарки была закрыта. Нам пришлось ехать в окружную. Через Георгиевку и Кокпекты, лишних сто пятьдесят верст. В селе Кокпекты в автобус подсел уже немолодой мужичок с мешком в руке. Запахло свежей рыбой. Тут мама по-казахски упростила рыбака продать нам рыбу, по которой мы страшно соскучились. Парочку зайсанских красавцев-сазанов мы привезли с собой в Ново-Тимофеевку и первым делом наварили настоящей ухи. Наконец-то мы были дома, в родном селе, среди родных людей.

В первое время мы остановились у тети Нади Комовой, в двухэтажках. Спали с Вовкой на полу, на матрацах. А вскоре родители купили на улице Ленина небольшой дом с водопроводом и паровым отоплением. В этом доме мои родители прожили больше двадцати лет. Небольшой сад, доставшийся нам в наследство, требовал ухода. Отец каждый год прививал к старым яблоням новые сорта и со временем вырастил хороший сад, в котором кроме яблонь росли виноград, вишни.

сливы, разрослась рябина. Под окном дома посадили березы и несколько елочек. Дом требовал ремонта: несмотря на то, что в доме было центральное паровое отопление, на две комнаты и кухню приходилось целых три печки! В первое же лето мы выкинули две из них, в конце концов, оставив одну. Сарай тоже были ветхие. Помню, как отец, приехав с работы на обед, решил осмотреть крышу сарая. По хлипкой лестнице он забрался наверх, сделал один или два шага и исчез из нашего поля зрения. Снизу через щели перекошенной двери вырвался шлейф пыли. А потом, выбираясь из пыльного облака, в эту дверь вышел отец. Кроме прохудившейся крыши, оказалось, что вся эта пристройка держится «на честном слове».

И с той поры мы начали обустраивать дом. Сначала все пристройки развалили до основания, переведя все на дрова. А потом начали строить. И сколько помню себя в этом доме, столько и продолжалась эта бесконечная стройка. Два года мы строили гараж с летней кухней и сараями. Нам здорово помогал брат мамы, Постоногов Петр Иванович. Дядька сильно радовался нашему возвращению. Он был в совхозе вечным передовиком и подвозил нам на «Касемсоте» (трактор К-700) материалы для стройки. После работы он брал с собой отца и ехал в горы, где они вручную дробили пласты скал на камни. Выгружали полную тележищу камней на улице перед домом.

Мама, уходя на работу, давала нам с Вовкой поручение: перетаскать камни в ограду на место разваленного сарая. Старший брат в то лето перешел в восьмой класс, а я – в третий. Не выполнив работы, мы не могли пойти купаться на море. Лето, жара, днем воздух прогревается до сорока градусов, и нам страшно хотелось купаться вместе со всеми деревенскими мальчишками. И тогда брат Вовка кидал клич по двум улицам Ленина и Больничной, сзывая на подмогу наших друзей мальчишек. Из пятерых братьев Столяровых с соседней улицы, двое – Юрка и Ванька, помогали нам постоянно. С той же улицы мой одноклассник и закадычный друг Колька Ходанов не отставал от меня в работе. Так же – сосед и мой одноклассник Васька Сидельников, вечно делил со мной мою трудовую участь, брат наш Борька был рядом и многие другие мальчишки. Мы жили в прекрасное время, когда люди помогали друг другу без всякого корыстного расчета. Мы, подобно муравьиному потоку, всей оравой перетаскивали груды камней, наедались какого-нибудь домашнего супа и шли на море с чувством выполненного долга.

Назавтра дядька привозил нам глины, и мы ногами замешивали ее с соломой. Помню эту непростую процедуру с ледяной водой: ноги вязнут в глине, я их с трудом вытягиваю, они мерзнут, солома щекочет и хрустит под ступнями. У нас до колен засучены гачины штанов, и нам всем вместе так весело, что мы и не заметили, как сделали эту работу. В самую жару мы уже на море. У нас у всех слазила кожа на спине и облуплялись носы, порой по несколько раз за лето. Все это проходило привычно и быстро.

После замешивания глины мы всегда шли купаться на водопад, так мы называли наш затон водохранилища, куда причаливал «Метеор». Там, под крутым песчаным яром, сразу же начиналась глубина. Мы прямо в брюках или трико, угвазданных глиной, ныряли в глубину. Потом выбирались на берег и стирали брюки. Загорали на чудесном бухтарминском песочке и снова купались. Играли в воде в «Догонялы», а на берегу – в «Отмирного», «Осла, козла и сторожа» или просто рассказывали анекдоты и разные истории. Вечерами мы должны были встретить коров из стада и загнать их в сарай.



После ужина родители шли выкладывать из камня гараж. Работали иногда до полуночи, а около пяти утра уже поднимались, управлялись и выгоняли скотину в стадо. Помню сквозь сон неторопливый шаг нашей коровы по ограде возле моего окна и голос матери: «Пошла, цыля, Жданка!» В спальню сквозь шторы пробивалось солнце.

Мы с Вовкой поднимались после восьми, шли на улицу к этому яркому солнцу. Брат влезал на турник, подтягивался, делал «склепку». Потом – «передний» и «задний вылазы», «силовой», «змеяку» и другие премудрости упражнений на турнике. После разминки он загонял меня на перекладину, подгонял, помогал, поддерживал словом или, наоборот, «цеплял меня за живое», говоря, что в армии мне здорово достанется. Я рос под чутким руководством старшего брата. Любое мое действие получало его оценку. Он был всегда рядом. И я об этом знал. Не прошли даром его уроки на турнике, игры в футбол или хоккей, пошла на пользу привычка к ежедневной работе. Все это мне в будущем здорово пригодилось. А жизнь в селе приучила меня с детства к ответственности и самостоятельности.

## НАШИ СОСЕДИ

Слева от нас, в доме на углу улицы, жили старики Белоусовы, баба Женья и дед Арсентий. Она была среднего роста, но на фоне своего маленького мужа казалась высокой. По рассказам бабы Женьи, ее первого мужа, как забрали на фронт, так и убили в первые дни войны. У нее остался сын 12 лет, но, по ее словам, его кто-то спазил, и тот в три дня умер. А когда появился на ее пути Арсентий Иванович, она сразу же вышла за него замуж. Он был мал ростом, до того мал, что мог бы запросто затеряться среди ребятни. В нем не было и полутора метров. Стоило ему заболеть, баба Женья как за дитем ухаживала за ним. Даже в баню носила его на руках, сносит, помоеет его и несет в дом. Однажды, благодаря своей мелкорослости, он остался живым. Но об этом позже.

Родом дед Арсентий происходил из Коробихи, из катонских кержаков. Одно время они жили в Урыли. Но прежде, чем попасть к нам в село, они не один десяток лет провели в Китае. Примерно в те же шестидесятые годы из Китая к нам в село переехали еще две семьи – Здор (белорусское слово «здор» обозначает «сало») и Лю Ки Ю. Те и другие быстро адаптировались в новой среде. Лю Ки Ю вскоре обрусели, и их китайское происхождение выдавала только фамилия. Вскоре она стала писаться одним словом – Люкию. Это были интеллигентные, порядочные и работающие люди.

С Белоусовыми у нас сложились очень теплые отношения. Сказки о «плохих кержаках» – вымысел поверхностных и невнимательных людей, в этом я убеждался неоднократно. И тому подтверждение – семья деда Арсентия и бабы Женьи. Они выделялись своим говором, к примеру, дед Арсентий вместо обычного «ч» говорил «щ»: шистокол, а не частокол. Выделялись в быту: у них еще сохранялись различные самодельные туески, корзинки, долбленки, глиняные горшочки. Все это было аккуратно изготовлено самим дедом или досталось в наследство от его родни. Во всем чувствовался практический склад ума. Что касалось рыбалки, то кармаки укладывались в аккуратную самошитую сумочку, а черви – в специ-

альный кожаный мешочек. Лодка тоже была самодельной. Дед соорудил ее из прочного железа, и весила она очень прилично. Нос лодки был не заостренным, он не разрезал волну, а тупо ее разбивал. Борта были высокие. Эта лодка была непотопляема – вакуумный бак в носу, и сзади, вместо седушки тоже находился круглый бачок. Была она оранжево-красного цвета. За основательность и внушительные формы мы прозвали ее «баркасом». Выпросив у деда лодку, мы шли на море и, надрываясь, корячили ее по мелководью к воде. А как же рыбачил на ней сам хозяин лодки, мелкий тщедушный старик? А вот как. Закидывал на себя весла, навешивал самошитую рыбацкую сумочку и шел неторопливым шагом к морю. И, самое главное, он нес на себе «палочку-выручалочку» – округлый двухметровый дрын. Этим дрынком старик без особых усилий поддевал нос лодки, затем корму, и через минуту она оказывалась на воде. Ай, да старичок!

Еще старик хранил на чердаке дубовые доски на гроб. С ними он «таскался, как кошка с салом» по всем своим переездам, чтобы «смертынька не застала врасплох». Об этой тайне мне поведали его внуки Колька с Андрейкой, которые приезжали каждое лето из Белоусовки к деду в гости.

Небольшой экскурс в историю села Коробихи, родины деда Арсения Белоусова. Это одно из сел старообрядцев-«каменщиков» (не путать с масонами каменщиками, это вещи разные, как небо и земля). По иному – «ушедшие в камень». Это село, как и четыре других села «каменщиков», стало объектом исследования экспедиции Бломквиста и Гринковой в 1927 году. Вот что мы у них читаем: «В «Камне» образовалась своеобразная «Сибирская Сечь», как и Запорожская Сечь сложившаяся из вольных людей». Сравнение интересное, но требующее уточнения. Народ действительно собирался здесь вольный, но к казачеству никакого отношения не имел. Основная идея – «сохранение истинной веры, существовавшей до раскола, жить своим миром по старому обряду». Далее в документах экспедиции читаем: «По богатству «каменщики» выделялись среди русского населения не только европейского, но и Сибирского крестьянства». И еще немаловажно: «Каменщики» по типу – северновеликорусская основа – язык, форма одежды, тип жилища». Коробиха по зажиточности уступает только деревне Белой. На 1 августа 1927 года в Коробихе: 172 хозяйства с доходом выше нормального, 58 – имеющих необходимый минимум и 1 хозяйство, не имеющее объектов обложения. Экспедиция делает общее заключение: преобладают кулацкие хозяйства.

Естественно, что раскулачивание и коллективизация не могли обойти стороной старообрядцев-«каменщиков». К той поре деду Арсентию было за двадцать. В горах еще бродили банды, и переход в Китай для многих стоил жизни. Как Белоусовы ушли за границу, осталось мне неизвестным. Но о жизни в Китае старик говорил с горечью. Я подслушивал из соседней комнаты, как разомлевший после бани и выпивки старичок рассказывал моим родителям:

– Що я видел, що я пересмотрел в жизни. В трудармии центнеровые мешки пришлось таскать на себе. А в Китае! Вот до щего, Анна Ивановна, нас китайцы за людей не считали. Мы даже не второсортными людьми там были, а третьесортными. Да и не людьми мы там были. Сначала – китайцы там идут по сортировке, а потом только другие люди. Самые тяжелые да грязные работы нам доставались. – Старик, расчувствовавшись, замолкал, отец наливал «успокоительную», мать слушала, я подслушивал. – Если посмотреть на меня со стороны, так я, Анна Ивановна, слова доброго не стою – не дал Бог росту. А если бы вы знали, що

нам там пришлось пережить... Одно время я баржи разгружал – мешок соли 70 килограммов, а во мне в два раза меньше, подсобят на плечо, и ташу. А куда деваться!

На этих нередких, но теплых застольях люди доверяли друг другу сокровенное, делились счастьем своим и горечью пережитого. Дед Арсентий уважительно относился к отцу, но, облюбовав себе в маме чуткую собеседницу, обращался в разговоре всегда к ней:

– А еще, Анна Ивановна, расскажу о том, как наши войска с русскими обходились. Когда японца гнали в сорок пятом, все взрослое мужское население собирали, кого тут же постреляли, а кого забрали. А мне, слава Богу, Господь росточка не дал, обошлось, за подростка принял.

Дед Арсентий в молодости был охотником. Однажды, когда Белоусовы жили в Урыли (в горах Алтая, за Катон-Карагаем), с дедом Арсентием произошел такой случай.

– В Катоне я все уголошки знаю, все леса. На медведя ходил, не боялся я его. Один раз на охоте слышу – птичка жалобно так верещит. Гляжу, а там змея у гнезда ее вьется. Стрельнул в змею да пошел себе дальше. Наколобродился я по горам, умаялся до щего. Шапку под голову положил и задремал у дерева. Слышу сквозь сон – птичка надо мной вьется, свиритит. Туда, сюда летает. Вот, думаю, навязалась. Поднимаюсь спросонья, гляжу, а неподалеку змеища, чуть было ко мне не подползла. Вскинул ружье и убил ее. Птичка-то спасла меня. Отблагодарила.

Много чего знал этот дедушка. Раз как-то признался матери: «Да ще делается, можно так сделать, ще свадьба вся перевернется. Только это грех большой. Стоит в кошевку по гвоздичку прибить и все... Но грех это...»

Не раз я носил деду Арсению свои валенки для подшивки. И еще помню, как он учил меня правильно подметать, чтобы метла дольше могла сохраниться: «Ты ее в руке прокручивай. Не одной стороной мети, так она в один край изогнется, и метла негодной станет. Мети одним краем, потом другим, чтобы она ровненькой оставалась».

Однажды мама рассказывала:

– Пошла я в совхозную баню, не то пятница, не то воскресенье было. Уходила из дому – никого не было, пришла часа через два, а дома пляс стоит. Двери уличные расшабашены, музыка народная на всю катушку играет, так что меня никто и не услышал, как я вошла. Вошла и вижу картину: наплясывают три мужика. Но до чего это чудная тройца – умора: дед Добрынин со Свинчатки приехал – ростом под потолок, рядом с ним – по грудь ему дед Белоусик, и папка твой. Никак не забуду этой картины. Увидели меня, скорей музыку выключили, поздоровались, «с легким паром» сказали. Папка думал, что я шуметь буду, а я ему говорю: «Что ж ты так плохо людей принимаешь, у нас что, на стол нечего поставить». Мы гостей любим, тем более в такой компании только раз в жизни и встречались. Добрынин добрый старик был, даром, что огромного роста. Он всю войну в пехоте прошел. Много порассказывал. Их в самое пекло бросали. Много народу гибло. И дошло до того, что из первоначальных остался он один, остальные все из других частей. Да и те потом на несколько рядов поменялись. Говорил, что не судьба была там остаться: иной маленький да приземистый, рядом бежит, глядь, он уже мертвый лежит, а он, здоровенный мужик, со всех сторон видно, а за всю войну ни одной царапины. Три войны прошел, три жены сменил.

Мама хорошо запомнилась та небольшая пирушка, те замечательные люди старшего поколения, что ушли безвозвратно. А матушка про тот случай не раз еще вспоминала:

– Дед Белоусик как попал на огонек? В то время баба Женя лежала в больнице в Самарке. Дед Арсентий собрался ее попроведовать. Шел-то он ко мне с просьбой, чтобы я котлет для бабушки напекла «шибко она любит котлеты с панировочными сухарями». Угодить ей хотел. И что из этого вышло! У нас как раз фарш был в холодильнике, на днях только свинью зарезали. Напекла я в тот же вечер котлет в панировочных сухарях, положила ему в чашку, довела до своих ворот. А что было дальше, дед рассказал на следующий день. На водку он слабенький, ему пару наперстков хватит, силы не рассчитал, когда садился за стол с Добрыниным. Тот-то богатырь через море в Свинчатку на санях добрался благополучно, а наш сосед до своего соседнего двора без приключений не смог пройти. На второй день он мне рассказывал: «До щего мне, Анна Ивановна вчера хорошо было. Как от вас я пошел, а в калитку свою попасть не могу, все мне куца со шлаком попадаетея рядом с калиткой. Упал я там, обронил все котлетки, стал их подбирать. Вроде опять полную щашку набрал. Зашел в дом, выключатель щупал-щупал на стене, а найти не могу. Так под ним и уснул. Утром просыпаюсь, а вместо котлет полна щашка шлака. Видать, нещистый меня вчера водил, подстроил мне подарок». Так дед Арсентий свою бабу Женю и не попроведал.

Мама очень тонко и верно подмечала особенности чужой речи и могла даже через годы мастерски ее передать. Будь то сосед-кержак или казах Абдулда, плохо говорящий по-русски. Мама никогда не забывала добро, сделанное ей. Добрым словом вспоминала она и стариков Белоусовых, которые в 1986 году уехали в Белоусовку к своим детям:

– Таких хороших соседей, как Белоусовы, у нас больше никогда не было. Ты только в армию ушел, я себе места не могу найти, все из рук валится. Душа не на месте. А тут еще сон плохой приснился. К тому же Дружок (наш пес) потерялся, когда за сеном ездили. Да еще корова домой не пришла. Все в кучу. Сели на мотоцикл, поехали корову искать. Все объехали с Алексеем аж до Точильного. Нету нигде Жданки и все, как в воду канула. Ночь уже на дворе. Голодные, не ужинали. Приехали домой. А там Дружок вернулся, все лапы в кровь изодрал. И корова на месте – ее уже баба Женя загнала, привязала, подоила – она же знала, где у нас что находится. Лучше родственницы была. Мало того, стопила свою баню для нас, как знала, что мы замерзнем. Ужин приготовила, после бани накормила. Такие вот хорошие соседи у нас были. Царство им Небесное, рабе божьей Евгении и рабу божьему Арсентию.

## РАССВЕТ НАД БУХТАРМОЙ

После того как дед Арсентий и бабушка Женя уехали в Белоусовку, в их уютном доме стали жить наши родственники – Постоноговы. Вместе с дядей Петей, тетей Ниной и Славкой здесь же жили и приемные родители тети Нины – Шутовы. Много лет они прожили на соседней улице Школьной, в доме на два хозяина, где вторая половина была отведена под сельскую библиотеку. Помню это уютное помещение со стеллажами книг, где работала Гончаренко

Тамара Владимировна. Немало я перечитал там книг в своем детстве, особенно приключенческой и фантастической литературы. Совсем по-другому к книге относился мой любимый дядька Петр Иванович. Во-первых, читать ему было абсолютно некогда – он сутками пропадал на работе, во-вторых, читатель он был еще тот.

На сельских собраниях, которые нередко устраивались в клубе, дядя Петя, бывало, вставлял из зала свое весомое слово. Говорить он речи не умел, но имел бойцовский дух и крепкий кулак, поэтому с ним связываться было себе дороже. Поначалу, когда он только приехал сюда из Мариногорки, некоторые парни пытались показать ему свою силу вечерами в клубе, но им «это быстро расхотелось». По рассказу дяди Пети, он «припечатал этого Бориса так, что тот собрал за собой все стулья!»

Работающий Петр Иванович быстро выбился в передовики, и его рекомендовали в коммунисты. Таким образом, дядя Петя оказался в компартии, рядовым ее членом. Из Постоноговых еще тетя Шура была коммунисткой. Вряд ли идеология коммунизма была ими хорошо уяснена, главное, что они были передовиками и примером для других. А кто у нас пример для окружающих? Коммунист! Ту-неядцы и алкоголики для этого не годились.

Вернемся к моему дядьке прямо на одно из партийных собраний в селе Ново-Тимофеевка. Мало того, что Петр Иванович сутками живет в поле, работая на посевной трактористом, кому-то показалось, что неплохо было бы подтянуть его интеллектуальный уровень. Так и посоветовали ему с большой трибуны – больше читать книг. Звезд с неба дядька, конечно же, не хватал. И для его жизни хватало и того запаса жизненных знаний, что у него имелся. К тому же Петр Иванович почти всегда выигрывал районные шахматные и шашечные турниры, на которых представлял совхоз «Чистоярский». Но рекомендацию партсобрания нужно было принять к сведению. И дядя нашел выход из ситуации. Между работами на полях и дома он выбирал редкую минуту и сигал прямо через забор в совхозную библиотеку, благо, она находилась под боком. Там он брал объемную книжку и прыгал опять через забор к себе домой. Раз вам нужен читатель – получите! Книжки «прочитывались» быстро и менялись, чуть ли не каждый день. Тамара Владимировна, библиотекарь, удивлялась: «И когда же он успевает читать книги, когда сутками напролет пропадает в поле?» И однажды выяснилось, когда дядя Петя вернул книгу минут через двадцать, после того как ее взял. Библиотекарь спросила его: «Наверно, книга не понравилась?» На что он ответил: «А что ее читать-то, раз в ней нет ни одной картинки!»

Ни одно районное спортивное соревнование не проходило без участия дяди Пети. Особенно развиты были у нас футбол и волейбол. На одном из областных соревнований в Усть-Каменогорске, которое проходило в спортзале ГПТУ, дядя Петя был как всегда в ударе. Иван Столяров, который в то время учился в этом училище, был свидетелем следующей картины. Когда «Постоногу» вынесли под удар мяч, он его так «резанул» рукой через сетку, что мяч, ударился о площадку с бешеной силой и, взлетев вверх, отскочил от высоченного потолка и упал вниз уже спущенный.

Тот же Иван Столяров вспоминает про Петра Ивановича: «Петро такой был пахарь, что мало кого в селе рядом можно было поставить. На полях пропадал сутками».

Как-то раз мы ехали с дядей Петей в поле за сеном на его тракторе. Мой отец ему говорит:

– Сейчас тебя Манап обгонит, он здесь все поля знает.

– Да ну! Меня никто здесь не обгонит. Даже Манап. Тот раз мы с ним байгу устроили – у Манапа был старый трактор, а у меня «К – 701». Он вперед уехал, а я как дал по снегу в обгон и шурую, обогнал! А он и говорит потом: «Меня никто здесь еще не обгонял!»

Дядя Петя похож на мою маму, проигрывать они не умеют, особенно если это касается работы. Им всегда нужно быть впереди, это постоноговская кровь такая. Дядя Петя продолжает про работу:

– А когда я совхозное сено вожу, я даже назад не смотрю. Туда смотреть страшно. Пущу трактор с Тумбы (ближайшая к селу гора), прицеп ходуном ходит... Раз даже рябчики о стекло разбились! Я в таких случаях зеркало выворачиваю наизнанку, чтобы себя не пугать тем, что сзади творится.

Про дядю Петю отец рассказал следующую историю: «Посадили к Петру на трактор помощника. Я его с детства знаю. Он в слове из трех букв делал три ошибки. Вместо «еще» писал «ишо». Что он там ему помогал, не знаю... А Петро по осени с собой ружье брал всегда. Какую-нибудь дичь всегда стрелял. А в тот раз высветил фарами в стороне от дороги – глаза чьи-то светятся. «Во, – говорит, – волк! Да не маленький, сидит, никого не боится!» Достал ружье и пальнул. А этот помощник волков боялся страшно. Петро пошел в темноту, подходит, а там – филин большой лежит. Взял он его за крыло и тащит к трактору. Подошел, а помощника нет, след его простыл. Тут осталось с Тумбы съехать – и дома. Сколько ни высматривал помощника – его нигде не видно. Назавтра на работе показался, говорит, что от страха стошнило его. В тракторе побоялся ехать, а по ночи бежать не побоялся».

От прежних хозяев Постоноговым достался большой сад. Бывало, мы сядились за стол прямо в саду и гуляли, пели песни. Дядя Леша Шутов вечно ходил в тельняшке, он во время войны на Балтике был моряком. Один раз дядя Леша рассказывал, как воевал в рукопашной. Когда он упал на спину, на него сверху налетел фашист со штык-ножом. Дядя Леша поднял левую руку, закрывая себя, и нож прошел насквозь выше запястья. Правой рукой он успел вытащить пистолет и выстрелил во врага. С той поры остался шрам на руке.

Дядя Леша Шутов работал на катере, был помощником рыбнадзора. По натуре он был человеком добродушным и беззлобным. В саду у них жила ученая галка. Она никуда из сада не улетала, садилась на плечо к дяде Леше и брала у него изо рта крошки и другую снедь. Эта Галка умела говорить несколько слов: «Гаяля» и другие. Старый моряк с сидящей у него на плече птицей напоминал хромого Флинта. Уйдя на пенсию, он перерабатывал старые арбузы на семечки и сдавал их на базу. После одной из ссор с женой он сел на свой старенький мотоцикл и полетел, что есть духу в поле. Выскочил на полном ходу на трассу и попал под машину.

Дядя Петя приходил с работы усталый. Однажды он шел с ночной смены. В руках у него был огромный букет марьикоренья. Мы с Натальей только недавно поженились. Ярко светило солнце. Мы стояли у двора на широкой улице. Дядька издалека увидел нас и стал улыбаться. Подойдя к нам, он вдруг весь свой огромный тяжелый букет вручил Наталье: «На! Это тебе!» Наталья попыталась

отказаться, ведь он нес цветы домой, а мы случайно повстречались на его пути. Но дядька не стал терпеть возражений: «На, говорю, бери! А то у меня ступни горят, стоять не могу, всю ночь пахал!»

Однажды на краю села был сильный пожар. Ребенок поджег огромную скирду сена у дяди паши Сошнева, которую он заготавливал все лето. Там было 11 решеток – огромное количество сена! Дело было осенью. Я оказался возле пожара и видел, как дядя Паша сидел в сторонке и, опустив лицо в изработанные свои ручищи, плакал. Подъехала пожарная машина, и Маня, так прозвали в селе худого длинного парня, пустил струю из брандспойта по верхушке стога. От этого клочья дымящегося сена полетели в сторону чужих сараев. Пожарник геройски лил воду на скирду, даже не замечая, что искры могут поджечь другие строения. Я рванулся, забрал брандспойт и потащил шланг к сараям, чтобы поливать оттуда в сторону пустыря. При этом я окатил себя струей и, мокрый, подошел ближе к огню. Помню, как я «рубил» огонь мощным потоком, а потом, пока подвозили следующую машину, откидывал из-под ног сушняк, чтобы не дать загореться и ему. Веткой случайно до крови расцарапал себе ухо. В итоге я вылил четыре машины воды на стог, и кое-что удалось спасти, хотя задымленное сено коровы уже есть не будут. В запале я совсем забыл, что мне нужно было ехать собирать тыквы. Тут меня и нашел дядя Петя.

Прямо с пожара мы поехали в поле. Я был весь мокрый, и свою рубаху повесил на крюк за дядиной спинкой. Выехав за Черемушки, мы поехали какой-то незнакомой дорогой, которую дядька натоптал своим трактором еще с весны. Справа было поле с молодой зеленью:

– Это я садил!

– Сразу видно, что ничего не растет! – пошутил я.

– Как это не растет! Это же озимые!

– Значит, весной посмотрим, что вырастет.

У нас было хорошее настроение, мы шутили и радовались, ведь мы все ехали по родной земле. Дядька осматривал озимые и переживал: «Лишь бы огрехов не было!» Отец увидел сломленную грозой опору столба и стал показывать в ту сторону – далеко влево, за лесополосой. Дядя Петя загляделся в ту сторону и чуть не свернул в кювет, но вовремя спохватился и вырулил на дорогу. Долго молчать мы не умели, компания у нас была веселая. Я попросил у дядьки руль. Он глянул на меня искоса и лишь усмехнулся. На что его сын Славка мне ответил:

– Он мне-то руль не дает, а тебе и подавно...

– Я-то племянником родным довожусь ему, а ты кто такой?! – пошутил я к всеобщему веселью.

Но скоро мы заблудились и потеряли овраг, в котором весной посадили тыкву. Дядя Петя зло выругался:

– И где эти тыквы?

– Сразу видно, что человек все лето, не разгибая спины, трудился на тыкве, растил, бедную, аж найти ее не может! – пошутил я над дядькой.

Вскоре наше небольшое поле в овраге нашлось. Только на нем уже побывали коровы, потоптали, погрызли тыквы, что вызвало у дядьки очередную тираду ругательств:

– Поубивать бы этих коров! И пастуха этого впридачу!

Собрав все, что осталось, мы вернулись домой.

Больше всего дядька любил хвалиться своими рыбацкими успехами. То там он выловил щуцищу, то там он окуней мешок надергал. Немного приукрашивал, как всякий рыбак. Но в рыбалке он был, действительно, везуч.

Однажды весной дядька соблазнил меня на рыбалку в Трушники. Дело в том, что в этом месте шла посевная и находились три больших затона, где всегда водилось много рыбы. За день до нашей поездки дядя Петя поймал на спиннинг в том месте несколько щук. Мне тоже захотелось попытать счастья. И я отправился в ночную со своим любимым дядькой. Выехали мы задолго до работы, чтобы покидать спиннинг. Места здесь камышовые, щучьи. Я пошел следом за дядькой, который только и рассказывал, что на этом месте вытащил во-от такую щуцищу, а вот здесь чуть поменьше, а вот здесь сорвалась вместе с блесной... Но где бы мы ни бросали – везде было пусто. Даже не слышно было, чтобы в этом месте водилась активная хищница. Да, это был не наш день! Мы уже успели проголодаться, к тому же с собой почти ничего из продуктов не взяли в надежде сварить на берегу уху из свежей рыбы. Неподалеку паслась отара овец. На небольшом пеньке сидел пастух, пожилой дядька Мукат Амергалиев, наш односельчанин. Мы поздоровались с ним.

– Ну, что, Петька, поймал щуку?

– Какой там, ни разу не клюнула даже!

– Вчера-то ты хорошо поймал и меня угостил, спасибо! А сегодня я поймал. Вон, в котелке лежит, уже чищенная. Если варить будете, ставьте на огонь.

– Сварим, – не заставил себя уговаривать дядя Петя.

А когда мы подошли к котелку, то обнаружили в нем ободранного барсука. Дядя Петя даже свистнул от удовольствия: «Вот это рыбина!»

На хорошем огне мясо варилось недолго. В первый раз в жизни я ел барсучье мясо. До сих пор ничего вкуснее я не ел! Пахло костром. Невдалеке шелестел камыш. Легкая волна плескалась о берег. За спиной пастуха скулили собаки, ожидая очередную кость. Храпел привязанный к тальнику конь. Закатывалось красное солнце за западный холм. Вдалеке показались «Касемсоты», едущие в ночную. Пора было ехать и нам. Мы поблагодарили хозяина и отправились в поле.

Всю ночь мы пахали круг за кругом, поднимая густую пыль. Трактора шли друг за другом, держа дистанцию. Все уже и уже становились круги ближе к центру. Закончив одно поле, ехали к другому. Было уже глубоко за полночь, когда впереди идущий трактор не пошел на очередной круг, а поехал прямо. Дядька заметил: «Уснул, Арбузик», и засигналил ему вслед. Тот услышал, стал разворачиваться и пристроился уже после нас. Арбузиком прозвали невысокого краснощекого мужичка, округлого собой, с небольшим животиком. Забегая далеко вперед, скажу, что у этого жизнерадостного доброго мужичка в Усть-Каменогорске погиб сын. От переживаний он быстро состарился и вскоре умер.

А в ту ночь на посевной мы решили пару часов подремать. Тишайшая стояла ночь над Бухтармой, прозрачная, высветленная огромной луной. Тень пролетающей совы осязаемо пронеслась мимо меня. Небо роняло звезды прямо в Бухтарму. А за ней видны были нечеткие контуры Алтая. Дядька постелил мне на сиденье, а сам лег вниз, на полки. Поднялись мы через пару часов, перед самым рассветом. Неутомимо, перепевая друг друга, звенели жаворонки. Дядька



разлил чай из термоса по кружкам, порезал хлеб с салом. Наскоро перекусив, Петр Иванович заторопился: «Нечего разъедаться, работать пора! Дома трапезничать будем». С рассветом заработали трактора, начали пахоту. А я отпросился у дядьки посидеть на ближайшем пригорке, посмотреть на восход. Прохладой несло от моря, легкая зыбь играла у побережья. На востоке, за Бухтармой, за хребтами у Большенарыма, загоралась солнечная лампада. Сначала поднимался свет, а вскоре показалась золотая каемка светила, слепящая глаза. И вот оно целиком поднялось над гребнем, заливая всю долину веселым утренним светом. Жаворонки наперебой восхваляли рождение дня. И я радовался вместе с ними этому солнцу, этой пахучей вспаханной родной земле, этому неумемному половодью жизни, которым нас щедро одарил Господь.

От нахлынувших дум меня отвлек дальний свист. Это мой дядька, допахав остаток поля, звал меня домой. И бежал я по пашне, радостный и восторженный от переполнявших меня чувств. А назад мы ехали молча. Дядька изредка поглядывал на меня: «Устал, что ли? Или мечтаешь о своем?» А я в ответ тихо улыбался, боясь лишним словом вспугнуть трепетавшее во мне ощущение счастья.

## БЕШЕНЫЙ ИЛИ «ЧЕЛОВЕК ПОРОДЫ БУЛЬТЕРЬЕР»

По другую сторону от нашего дома жил сосед, о котором и вспоминать бы не хотелось. Да куда денешься от воспоминаний! В семье не без урода, как говорится.

Была у него фамилия Дорохин. Приехал он к нам из Подгорного, того самого села, которое вырастило трех героев Советского Союза. На войне он не воевал. С детства был инвалидом. У него одна нога была ущербной, ссохшейся. Ходил он с железной тросточкой, снизу залитой свинцом. Силищи было у него не меряно, здоровья хоть отбавляй. Зимой он всегда ходил легко одетым, в затрапезном пиджачке, с расстегнутой на груди рубашкой, из-под которой кучерявился черный барашковый волос. И вообще, он весь был страшно волосат. Даже на щеках у него, под глазами, рос смоляной волос. В конце семидесятых поселился он с нами по соседству. Позже выяснилось, что с прежнего места жительства его выселили в 24 часа за то, что он отравил конями сельскую пшеницу. Но об этом молчали, жалея инвалида. Думаю, что была еще другая причина молчания – от него просто-напросто избавились и перекрестились, боясь, что он вернется назад. В первую же зиму, которая была на редкость холодной, Дорохин возвращался домой со стороны котельной, к которой примыкал его огород. Он был в хорошем подпитии и, проходя через свой огород, упал и чуть не замерз. Спасло его одно обстоятельство: мой отец ночью вышел на улицу и услышал стон. Благодаря моему отцу, дотащившему соседа до избы, он остался жив.

Со следующего утра началась у моего отца «новая жизнь». То ли не желая быть обязанным за своё спасение, чего от него никто и не требовал, то ли по какой-то другой причине, но с того дня взялся Дорохин на моего отца, как на лютого врага. И так было около десяти лет, пока он не покинул наше село. Это был душевно больной человек, который, чувствуя свою ущербность, искал

жертву для травли, вероятно утверждаясь так в собственных глазах. В нашем селе он сразу же четко определился, выбрав мишенью для нападок моего отца, безответного и скромного человека.

Все началось с того, что сосед вдруг объявил всем на улице, что мой отец вор. Он даже не посчитал нужным хоть что-то объяснить. Просто сорвалось с языка «вор» и все. С таким же успехом могло сорваться с его языка и «душегуб» и «враг народа», но, видимо, батя внешне не дотягивал до таких обвинений. Не знал мой отец, кого он спасал морозной ночью. Верно говорится в народе: «Не кормя, не поя – врага не наживешь». Уже со следующего дня, увидев отца издали, Дорохин выхрамывал навстречу и с пеной у рта бешено кричал в его сторону: «Вор!» Отец пытался утихомирить разъярившегося соседа, но тот не унимался и выкрикивал одно и то же слово. Видя, что унять Дорохина невозможно, отец спрашивал у того: «Ну, ты хоть расскажи людям, что я у кого украл?» Обиднее всего было отцу оправдываться непонятно в чем и непонятно перед кем. Нашему новому соседу неизвестны были принципы добрососедства и вообще претили всякие принципы мирного общежития в обществе. Не находя достойного отпора на свою наглость, бешеный сосед расхотел все больше и больше. Отлично зная, что инвалида бить не будут и по этическим соображениям и боясь ответственности, Дорохин расхотелся не на шутку.

Жена Дорохина, бедная, забытая женщина, откликающаяся на окрик мужа: «Улька», видимо, совсем не имела голоса – я его никогда не слышал. Его сын, что жил недолгое время неподалеку по нашей улице, однажды попал под плохое настроение отца. Соседи напротив, увидевшие, что произошло, быстро распространили по деревне слух о том, что Дорохин обладает бешеной силой. Схватив тридцатилетнего сына за грудки, инвалид швырнул его от себя, и тот пролетел по воздуху несколько метров! В другой раз в ожесточенной схватке с кем-то из сельчан Дорохин повалил и ископал моего земляка. Уместным будет здесь припомнить слова нелюбимого мною Андрея Вознесенского: «Человек породы сенбернар» и перефразировать их к нашему случаю: «Человек породы бультерьер».

Я был уже подростком, когда Дорохин, подсторожив меня у турника, что стоял в палисаднике за домом, схватил кирпич и нацелился прямо в меня. Нас разделял забор. Я стоял возле глухой белой стены дома, четко выделяясь на ее фоне, как ростовая мишень в прицел автомата. Ему ничего не стоило раздробить мой череп с трех метров. Дорохин в занесенной над головой руке потрясал слегка сколотым кирпичом – я его успел рассмотреть в те недолгие секунды, что простоял под прицелом его бешеных глаз. Не скажу, что я был смертельно напуган, но я впервые ощутил на себе стихийную необъяснимую и необузданную людскую злобу. Во мне тоже все закипело. И я не побежал. Я глядел ему в лицо и не шевелился. С полминуты продержав меня в напряжении, Дорохин отбросил кирпич в сторону и пошел к своей избе.

Много кровушки выпил у моего отца этот злобный человек. Но сколько веревочке ни виться, а конец будет, гласит народная мудрость. Доведенный до отчаяния, мой безобидный и безответный отец однажды подсторожил в конце огорода соседа и на нейтральной территории котельной схватился в неравной схватке с Дорохиным. Тот замахнулся железной тростью, но отец, перехватывая, зацепил ею обидчика по голове. Трость оказалась настоящим оружием: она была

залита свинцом и представляла собой крепкую битую, к тому же конец ее был заострен, так что ею можно было даже колоть. Надо сказать, что ходить с такой тростью под силу далеко не каждому, для этого нужно обладать недюжинным здоровьем. Для руки этот предмет – вроде спортивного снаряда. С помощью этой трости он, как спортсмен, ежедневно тренировался, развивал и поддерживал свою недюжинную силу. Закончилась эта неожиданная драка криком, рассеченным лбом Дорохина и... конечно же, судом. Отца вызывали в Самарку, задавали много вопросов. В конце концов, ему выписали штраф. Но с той поры, «как бабки отшептали» – Дорохин стал обходить отца стороной. В году, наверно, 1986, когда я уже служил в армии, Дорохин исчез из нашего села, и отец вздохнул полной грудью, ощутив настоящее счастье. Наша семья собрала деньги и перед отъездом соседа, через друзей выкупила у Дорохина его маленькую избушку, глиняная крыша которой заросла крепким бурьяном. Так отец остерег себя с этой стороны от новой опасности – кто его знает, каков будет новый сосед? Как говорится в пословице: «На молоке обожжешься – на воду дуть будешь». А Дорохин махнул в Подмоскovie, где через пару лет скончался в возрасте 57 лет. И что с ним случилось, ведь здоровья в нем было как минимум на сто лет? Так закрылась одна из самых неприятных страниц нашей жизни в родном селе.

*Окончание следует. Начало в №2, 3, 2016.*

